

18+



ИННА
ИГНАТКОВА

МЕДАЛЬОН

КНИГА ПЕРВАЯ. ИГРЫ СО ВРЕМЕНЕМ

18+

Инна Игнаткова

**Медальон. Книга первая.
Игры со временем**

«Автор»

2026

Игнаткова И.

Медальон. Книга первая. Игры со временем / И. Игнаткова —
«Автор», 2026

Четвертое тысячелетие от Рождества Христова. После глобальной катастрофы на Земле люди расселились на других планетах, по климатическим условиям схожих с земными. Одни народы одичали, другие сохранили память о своем прошлом. Генерал Кедров собирается завоевать мир при помощи армии зомбированных солдат. А его подельник, потомок итальянской мафии Тони Падула, планирует захватить власть над всем сущим благодаря украденной у ученых технологии оцифровки душ. Но неожиданно их планы срывает воспитанница детского дома Жека — обладательница таинственного медальона...

© Игнаткова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I	5
II	9
III	14
IV	16
V	19
VI	23
VII	25
VIII	30
IX	33
X	35
XI	38
XII	39
XIII	40
XIV	41
XV	43
XVI	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Медальон. Книга первая.

Игры со временем

I

Меня зовут Евгения. Так называли меня родители. Младенцем меня отнесли в приют, куда попадают все нежелательные дети. Но в отличие от безымянных подкидышей, которым дают имена уже в детском доме, от меня отказались официально: написали соответствующее заявление и оставили в завещание маленький медальон из неизвестного сплава, обрамляющего синий камушек в форме эллипсоида — миниатюрный макет планеты с едва различимыми рельефными очертаниями материков и океанов. Этот медальон висел у меня на шее, сколько себя помню. А когда мне исполнилось десять, одна детдомовская воспитательница, якобы тоже по просьбе моих родителей, передала мне толстенную тетрадь с пожелтевшими страницами — дневник моей пра-пра-пра... бабушки Анны.

Жизнь в детском доме не сахар. Да и за его пределами на планете под заманчивым названием Благословенная — той самой, где мне «посчастливилось» появиться на свет, — не было ничего хорошего. Большая часть населения, облагаемая бесконечными налогами, едва сводила концы с концами. Я много думала о том, почему родители оставили меня: порой ненавидела их, а порой пыталась найти им оправдание. Мне легче было верить во что угодно — например, что они были столь бедны, что обрекли бы меня на голодную смерть, если бы не сдали в детдом, или неизлечимо больны, — чем в то, что я оказалась просто не нужна своим маме и папе. И я верила, зачитав до дыр бабушкин дневник, в котором сообщалось больше, чем знали об истории древней планеты Земля благословенские ученые. Очень скоро от этой тетрадки осталось лишь несколько измятых листочков и пожелтевшая фотокарточка Анны. Но я хорошо помню, что там было написано. Анна писала о своих предках с погибшей в результате техногенного катаклизма планеты, на которой зародилось человечество: о том, что была на Земле огромная страна Россия и жили в этой стране сильные духом люди. Говорят, они были непобедимыми и целеустремленными, так как веками жили в суровом климате. В России в мире и согласии бок о бок сосуществовали десятки национальностей. Они подняли на высочайший уровень науку. Впоследствии, когда стало ясно, что Земля обречена, российские ученые совместно с китайцами — представителями еще одной древней цивилизации — руководили процессом переселения землян на пригодные для жизни планеты других звездных систем. Люди покинули Землю на летательных аппаратах, перемещающихся в пространстве со скоростью, в сотни раз превышающей скорость света. Но выстояли в новых условиях далеко не все. В тяжелой борьбе за выживание произошел упадок культуры, многие забыли о своем происхождении, а некоторые народы и вовсе одичали, докатившись до уровня первобытных племен. В итоге быт народов, осевших в разных частях Вселенной, стал разительно отличаться. На одних планетах уже давным-давно практиковались передовые экологические технологии, на других все еще пользовались двигателями внутреннего сгорания. Но, так или иначе, жизнь продолжалась — и она была такая же, как и тысячу лет назад: рождались дети, заселялись новые земли, росли города, возникали государства, которые порой воевали, а порой объединялись в союзы. Где-то жилось лучше, где-то — хуже. Одни были бедными, другие — богатыми. Люди ссорились, мирились, влюблялись, женились, болели, умирали...

В конце концов в школьных учебниках истории «колыбели человечества» стали посвящать один-два параграфа, а о России можно было узнать лишь из легенд. Но мои предки хранили и передавали эти легенды из поколения в поколение.

Однажды Анна, родившаяся уже после глобальной катастрофы, увидела вещий сон и предсказала, что «в начале тысячелетия» в нашем роду появится на свет девочка и назовут ее Евгенией. Мол, эта девочка «изменит ход истории» и «повернет время вспять». Так было написано в дневнике. Я не знала, была ли той самой девочкой или меня назвали Евгенией в угоду прабабушке, поскольку я родилась как раз в начале тысячелетия — по древнему земному летоисчислению шел 3001-й год от Рождества Христова. Не представляла я и того, что именно должна изменить в истории. Но я верила в предсказание: верила, что в моих жилах течет кровь древнего народа и в будущем мне предстоит совершить что-то очень важное.

Эта вера помогла мне выжить в детском доме и не позволяла распускать нюни. Меня дразнили, меня били, у меня отбирали еду, хотя и я не оставалась в долгу, была той еще драчуньей. А когда становилось очень тяжело, сжимала в кулаке древний медальон из синего камня или смотрела на вложенный в тетрадку портрет прабабушки. На нем она была молодой и очень красивой. И черты ее лица, как мне казалось, очень напоминали мои.

А еще в ее дневнике было много забавных поговорок и афоризмов вроде «Поспешишь — людей насмешишь», «Не буди лихо, пока оно тихо», «Тише едешь — дальше будешь», «Хорошо там, где нас нет» и прочих в том же духе. Я все их выучила наизусть.

Но верить в свое происхождение и пророчество Анны — это одно. А сидеть сложа руки и ждать, когда жизнь преподнесет тебе подарки на блюдечке с голубой каемочкой, — совсем другое. Народная мудрость гласит: помоги себе сам. Потому что никто не сделает это лучше тебя.

Когда мне исполнилось пятнадцать, я решила, что пора.

Я понимала, что по законам Благословенной за побег меня отправят в детскую колонию, где будет похуже, чем в детдоме. Если поймают, конечно. Но жизнь в приюте так опостылела, что я твердо решила бежать.

Мне казалось, я все тщательно продумала. Раздобыв карту города и фонарик, запасшись кое-какой провизией, глубокой ночью я перемахнула через забор в дальнем углу приютского сада, перекусив колючую проволоку кусачками. Ловко приземлившись на обе ноги, стала пробираться в сторону леса, избегая освещенных участков. На случай похолодания я прихватила с собой одеяло, плотно свернутое в скатку и привязанное к рюкзаку за спиной. Но оно не пригодилось. Несмотря на то, что была уже глубокая осень, погода стояла сухая и теплая, так что я даже не озябла.

К рассвету я зашла в чащу достаточно далеко, чтобы сделать привал и перекусить. Но не успела присесть на сухой ствол поваленного бурей дерева, как услышала хруст сломанной ветки и, подпрыгнув, обернулась: «Неужели меня уже хватились и так быстро нагнали? Неужто это конец?»

Передо мной стоял мужчина лет тридцати пяти в накиннутой на плечи медвежьей шкуре. В руках он держал самодельное оружие с глушителем. Разбойник? Убийца? Маньяк?.. Во всяком случае, он не был похож на законного представителя власти, скорее — на отшельника. Я слышала об отшельниках, убегающих из городов и поселяющихся в глуши лесной, таким образом бросая вызов обществу. О них часто говорили в новостях: отшельников ловили и казнили, но их не становилось меньше. Впрочем, это обстоятельство не меняло дела. Впервые в жизни мне угрожала столь явная опасность, и все мои негустые воспоминания пронесли передо мной со скоростью света. Среди прочих мелькнула мысль: сейчас он нажмет на курок, а никто даже не услышит и не узнает, как тихо и нелепо оборвалась моя жизнь. Вот так изменила ход истории!..

— Ты еще кто? — грубо спросил мужик.

Я быстро сообразила, что речь идет не о том, чтобы не выдать себя, а о том, чтобы он посчитал ненужным убивать меня сейчас, ведь я не представляла для него никакой угрозы. Поэтому я решила сказать правду.

— Евгения, — громко и спокойно произнесла я, удивившись звучности своего голоса, раздавшегося в густой лесной тишине. Раньше поводов для нормального общения у меня было немного, чаще приходилось помалкивать или, напротив, разговаривать на повышенных тонах. — Сегодня ночью я сбежала из детского дома. А вы не очень-то похожи на стража порядка, — добавила я, давая ему понять, что ничего более не хочу, кроме как просто убраться восвояси.

Светало. В предутреннем полумраке леса лицо его казалось суровым и серо-синим, как у мертвеца. Но он был жив-живехонек. Разглядев меня получше, он пренебрежительно произнес, опуская пушку: — Девчонка...

Однако тут же снова нацелил на меня оружие и скомандовал:

— Рюкзак на землю, руки за голову, спиной ко мне — и шагом марш, если хочешь жить!

Мы прошли метров двести в полной тишине. Только сухая листва шуршала под ногами да ветер выл в кронах высоченных деревьев. Потом отшельник приказал остановиться и распахнул небольшой замаскированный ветками деревянный люк, ведущий под землю. Оттуда пахнуло могильным холодком.

— Вниз! — приказал он.

Медленно спускаясь по перекладинам деревянной лестницы все ниже и ниже, я успела подумать о многих неприятных вещах. Наконец, когда мы оба оказались внизу, незнакомец захлопнул за собой крышку-дверь и произнес неожиданно дружелюбным тоном:

— Добро пожаловать в берлогу Геты!

В «берлоге» было сыро, но вполне уютно, горела электрическая лампочка. Оказавшись внизу, я ощутила, что здесь гораздо теплее, чем снаружи. Слева от «входа» стоял грубо сколоченный деревянный стол, а чуть поодаль, у стены, располагалось нечто, похожее на кровать, небрежно застеленную выцветшим лоскутным одеялом. Меня передернуло не то от сырости, не то от волнения перед первым настоящим приключением моей до сих пор небогатой событиями жизни.

— Зачем ты привел меня сюда? — спросила я, и голос мой предательски дрогнул под назойливым взглядом незнакомца, который продолжал разглядывать меня с ног до головы. В отличие от той первой моей реплики там, снаружи, эта прозвучала уже не так звонко и уверенно. Я вовсю корила себя за то, что имела глупость бежать и подвергнуть свою жизнь опасности, — неизвестно, что на уме у этого бродяги. Вдруг он людоед вообще?

— Может, уберешь свой пугач, я на людей не бросаюсь, — предложила я и приготовилась ко всему...

— Меньше всего я хотел, чтобы ты меня испугалась, — заявил Гета, засовывая оружие за пояс. — Я ничего тебе не сделаю. Просто уже много месяцев не разговаривал ни с одним человеком.

— А если у меня есть более важные дела, чем болтовня с тобой? — ввернула я и тут же задумалась, не обидится ли он.

Нет, он не обиделся. Он усмехнулся и сказал:

— Ты имеешь в виду свой побег? Спешу тебя просветить, что пребывание здесь сейчас — твое единственное спасение. Днем раньше или днем позже, но тебя все равно поймут, останься ты наверху. Кроме того, лес — это единственное твое прибежище, единственное прибежище для отшельников. Территория, на которой не действует закон.

Гета уселся на деревянный чурбан, заменявший табурет, и с самодовольным видом налил из лежащей на столе фляги в металлическую кружку какую-то мутную жидкость. По помещению разнесся запах бражки.

— Почему я должна тебе верить? — спросила я. В этот момент в животе у меня громко заурчало.

Гета поперхнулся:

— А разве у тебя есть выбор?

Он вытер рот рукавом и начал бесцеремонно рыться в моем рюкзаке.

Тогда я набралась смелости, подошла и тоже уселась за стол на второй чурбан — чего уж стесняться? Я решила довериться судьбе, раз уж ничего больше не оставалось. Кроме как надеяться, что я не умру сегодня, потому что мне предначертана в будущем какая-то важная миссия. Правда, я даже не представляла себе, какая.

— Выбора у меня действительно нет. Но только вот вещи мои трогать не надо. И было бы гораздо лучше, если бы ты меня просто отпустил. Что тебе от меня нужно?

Я положила локти на столешницу и посмотрела на него в упор, ожидая ответа.

— Мне? От тебя? Да в общем-то ничего. Ты пойми, теперь скорее я тебе нужен, чем ты мне. Я-то без тебя как-нибудь перетопчусь, а вот ты без моей помощи — увы... — Отложив рюкзак в сторону, он развел руками. А потом ироничное выражение его лица резко сменилось на суровое. — Извини, но просто отпустить я тебя не могу, потому что не уверен, что ты не разболтаешь о моем месте обитания.

— Значит, я твоя пленница? — уточнила я.

— Сама же потом спасибо скажешь. Когда получишь узнаешь отшельническую жизнь.

— То есть ты намекаешь, что я буду здесь с тобой жить? — Я сделала особое ударение на словах «здесь», «с тобой» и «жить». Давая ему понять, что это неприемлемо. Но он невозмутимо продолжал:

— Тут, на этой так называемой свободе, жить еще труднее, чем там. — Он указал пальцем в потолок. — Здесь нужно добывать себе еду и постоянно скрываться. А с планеты вырваться практически невозможно, хотя есть во Вселенной и лучшие места.

Гета начал сворачивать на столе самокрутку, продолжая:

— Я живу здесь уже пять лет. Мы бежали вместе с Дюком, моим товарищем со школьной скамьи. С детства были неразлучными друзьями. А прошлой весной его поймали, когда мы охотились. С тех пор я один.

Прикурив от зажигалки странной конструкции, он выпустил струю дыма, взглянул на меня и произнес:

— Ты еще совсем ребенок. Есть хочешь?

— У меня в рюкзаке есть печенье и бутерброды, — хмуро сообщила я. — И я как раз собиралась перекусить, когда появился ты.

— Печенье... Разве это еда? Давай-ка я налью тебе моей похлебки из косули.

Я недоверчиво посмотрела на поданную мне миску с бульоном, в котором плавали ошметки то ли мяса, то ли потрохов. Но, попробовав, обнаружила, что похлебка очень даже ничего на вкус. И, засунув стеснительность куда подальше, набросилась на еду, поскольку была чудовищно голодна. А потом мой новый и единственный теперь товарищ угостил меня потрясающе вкусным травяным чаем, которым мы оба с удовольствием запивали мое печенье. Так мы подружились.

II

Особенно много интересного Гета рассказывал за чаем — так он называл крепкий взвар из полезных лесных трав и древесной коры. Чаепитие всегда было для него особым ритуалом, который нужно выполнять не торопясь, и он растягивал это незамысловатое удовольствие на полчаса.

Мне нравилось слушать Гету, болтающего без умолку за чашкой горячего ароматного напитка. Он с грустной улыбкой вспоминал свое детство и родителей. Свою первую любовь, с которой ему пришлось расстаться: после окончания школы девушка по распределению уехала работать в другой город. Он рассказывал, как сам вскоре был вынужден гнуть спину на заводе. Как познакомился там со своей будущей женой. Но однажды произошла серьезная авария на производстве. Ни женщина, ни ребенок, которого она ждала, не выжили...

Не примирившись с потерей, Гета бежал в леса со своим школьным товарищем Дюком, с которым жизнь не разлучала его до недавнего времени. Об этом веселом малом он рассказывал много забавных историй. Но каждый раз мысленно возвращаясь в тот роковой день, когда Дюка поймали, словно переживал его заново, печалился и прижимал ладонь к груди — тяжелые воспоминания сдавливали сердце. Иногда Гета прикладывался к фляге с брагой, но никогда не напивался пьяным. Вкус у этого пойла был дрянной, но действовало оно как бальзам на душу. И я ничуть не пожалела впоследствии, что этот «бальзам» был первым крепким напитком, который мне довелось попробовать.

У меня никогда не было ни семьи, ни друзей. И рассказать мне о себе было почти нечего, кроме как о борьбе за выживание в детском доме и о дневнике прабабушки. Поэтому мои истории быстро закончились.

Оказалось, что я ничего не знала о настоящей жизни!

Вскоре мы начали вместе охотиться и обустривать теперь уже наше жилище, а по вечерам резались в карты. Гета учил меня мастерить самострелы и луки, метко стрелять и стряпать из дичи разные вкусные вещи. В детском доме я и помыслить не могла, что существуют такие блюда, как шашлык из дикого кабана или жаркое из утки с грибами. Я научилась шутить, любить жизнь за ее короткие приятные мгновения и за надежду на лучшее — пусть и крохотную. Больше не нужно было постоянно держаться начеку, чтобы не отобрали тарелку каши, или, засыпая, сжимать в кулаке медальон, дабы его, чего доброго, не сорвали, пока я сплю. Не нужно было соблюдать дурацкие правила и распорядок дня, а за малейшую оплошность проводить ночь в карцере — подвале с крысами, куда запирали провинившихся детдомовских ребят.

Начеку приходилось быть лишь во время наших с Гетой вылазок за провизией — этого мне не нужно было объяснять, ведь там, наверху, все зависело от нашей осторожности. Я называла Гету на «ты», а он ласково звал меня Жекой. Он был мне как отец или как старший брат. И я была счастлива, ведь у меня никогда не было ни отца, ни брата. Гета меня не обижал и не наказывал, даже если я делала что-то не так. С ним я впервые в жизни почувствовала себя человеком, достойным уважения. То есть я и раньше, разумеется, не сомневалась в том, что достойна уважения, только никто не трудился относиться ко мне, как подобает.

Гета был очень начитан. Мне казалось, он знает ответы на все вопросы и для него не существует неразрешимых задач. В берлоге нашлось много книг и журналов — никогда раньше я не прикасалась к такому объему знаний! Издания были самые разные: художественные, технические, медицинские, юридические... От чтения меня было не оторвать. Первое время я читала все без разбору. Жадно поглощала содержащиеся на отсыревших страницах сведения об истории Благословенной и жизни на других планетах, об искусстве врачевания, учебники по математике и физике, романы, стихи, сказки... Но позже начала предпочитать вымышленным историям реальные, благодаря которым составляла более или менее объективную картину

мира, ведь о нем раньше я почти не имела представления. Границы этого мира, совсем недавно очерченные детдомовским забором, все больше расширялись в моем сознании. Мир был огромен и необычайно интересен! И я все бы отдала, чтобы хоть одним глазком взглянуть, что делается на других планетах, как там живут люди. Еще я знала, что Гета сам что-то пишет. Но читать свои творения он никогда не предлагал, хоть меня и раздирало любопытство.

Книги Гете время от времени поставлял один человек — очень старый профессор по фамилии Кешиа, который когда-то преподавал в университете, а выйдя на пенсию, устроился сторожем университетской библиотеки. Давным-давно он, на свою беду, прилетел на Благословенную, да так и не смог вернуться домой. Гета считал, что он может быть нам полезен. Из дня в день мой старший товарищ повторял одну и ту же фразу: «Не теряй надежду, Жека! Мы еще выберемся на свет». Под светом Гета подразумевал иные звездные миры — в глубине души он надеялся покинуть планету с тюремными порядками.

...Так прошло три года. Мне нравилась жизнь, которую мы вели, несмотря на все трудности и опасности. Поначалу она казалась мне раем по сравнению с той, что была до побега из детдома. Но я все чаще задавалась вопросом: что дальше? Удастся ли нам улететь с Благословенной или мы до конца дней будем прятаться в лесу? Такая перспектива меня, признаться, совсем не прельщала. А ответ, как это часто бывает в жизни, явился неожиданно.

Однажды к нам в гости зашел Кешиа, и они с Гетой долго говорили о возможности побега с планеты. Возможность была, но и риск был очень велик. Я жаждала рискнуть, но Гета, похоже, сомневался в успехе предприятия.

Прошло еще несколько дней. Мы отпраздновали мое восемнадцатилетие, распив бутылку шампанского, которую добыл наш профессор. А потом Кешиа развернул принесенный с собою план городских катакомб.

Я была вне себя от восторга — нам предстояло угнать военный космический корабль, по-диггерски пробравшись к космодрому. И кто знает, какие еще невероятные приключения ждали нас в будущем! Мы втроем до поздней ночи с упоением обсуждали нюансы побега. В ту последнюю ночь я заснула счастливой. А утром меня ожидало жестокое разочарование: Гета наотрез отказался от намеченного накануне плана.

Мол, это очень опасно.

Я рассвирепела, узнав, что он собирается отступить, когда все уже готово. В то утро я орала во всю глотку, что он глупец и упрямый осел, и швыряла в Гету все, что попадалось под руку. Ведь последние несколько недель я только и жила этой надеждой!

— Почему ты упускаешь наш единственный шанс? Оставайся, если хочешь, и влачи эту жалкую жизнь под землей, словно крот! Но не смей ничего решать за меня! А я хочу рискнуть, слышишь?

— Это не риск, а безумие — нас поймают и убьют. И успокойся, прошу тебя, — пытался уговорить меня Гета. — Если услышат наверху, нам конец.

— А я, быть может, хочу конца! Все лучше, чем хоронить себя заживо в этой могиле!

В конце концов Гета оставил все попытки утихомирить меня. Он молча стоял с виноватым выражением лица, ожидая, когда я успокоюсь. А я все металась по подземному жилищу, круша наше бесценное скудное имущество.

— Ты не имеешь права распоряжаться моей жизнью! Не смеешь мне запрещать! Хватит с меня твоей дурацкой опеки! Я не...

Взглянув на Гету, я замолчала, внезапно опомнившись. Он по-прежнему молчал, словно ожидая конца моей истерики. Но его смуглое лицо вдруг побледнело, а потом он качнулся, схватившись за сердце, и медленно сполз на пол.

— Гета, что с тобой? — В мгновение ока я очутилась рядом, забыв все обиды.

— Сердце, — прохрипел он.

— Скажи, как тебе помочь? Что мне сделать?

— Послушай меня! — перебил он. — Я думал, что так будет лучше... — начал Гета, но замолчал, морщась от боли, не в силах договорить.

— Не разговаривай! Все се не важно, — говорила я, склонившись над ним.

— У нас все было хорошо, — снова перебил он, — и я решил, что не стоит рисковать.

Видно было, что каждое слово дается ему с трудом. Лицо Геты снова скривилось от боли, но он сделал над собой усилие и продолжал:

— Всю жизнь я верил, что если родился и живу в этом мире, значит, это для чего-нибудь нужно. С годами я терял веру, но когда в моей жизни появилась ты, понял, что должен тебе помочь, в этом моя миссия. И я сделал все, что смог.

— Не говори так, будто собираешься умереть!

— Именно так...

— Нет! Ты будешь жить! — не желая мириться с происходящим, крикнула я.

— Жить будешь ты, Жека. А я свое дело сделал. Прости, что ухожу так рано...

Я жадно ловила каждое его слово.

— Ты должна одна пробраться сегодня в полночь к космодрому. У входа в катакомбы, как условились, будет ждать Кешиа — он поможет тебе. Только не опаздывай. Если все пройдет удачно, ты покинешь планету.

— Без тебя я не хочу!

— Что это? Ты плачешь?.. — удивился Гета, ослабевшей рукой стирая слезинку с моей щеки. — Слезам можно давать волю, только когда все позади. А тебя ждут великие дела.

— У меня не получится без тебя. Не умирай!

— Получится. Главное — не сдавайся. Ты — потомок великого народа, победившего смерть. И ты еще будешь счастлива.

— Нет, не умирай, пожалуйста! Я тоже тебя люблю! — Я держала его голову на своих коленях, и мои катившиеся градом слезы падали на его лицо.

— Еще увидимся — там, откуда не возвращаются. Удачи, — прошептал он, а потом взгляд его черных глаз застыл.

Не помню, сколько времени рыдала, обнимая бездыханное тело Геты, не в силах поверить, что его больше нет. Наконец я успокоилась, положила голову на его широкую грудь и стала вспоминать его последние слова. Слезами горю не поможешь — так ведь говорили мои предки? Сегодня я должна покинуть эту планету во что бы то ни стало! Когда человек остается один, он невольно становится сильнее. С необыкновенной горечью я почувствовала себя повзрослевшей, ведь теперь мне самой предстояло о себе заботиться. На сердце было очень тяжело, но я утерла слезы и решила жить дальше.

До полуночи оставалось еще много времени. Я похоронила Гету в самом дальнем углу нашей с ним берлоги: глубокую могилу вырыть мне не удалось, поэтому я соорудила над телом что-то вроде холмика, обложив его по периметру камушками. А сверху положила листок с надписью «Здесь похоронен Гета» и его фотокарточку, на которой он улыбался. Если кто-нибудь когда-нибудь набредет на это жилище, напоминающее скорее медвежью берлогу, чем человеческое жилье, то поймет, что это могила одного очень хорошего человека.

Я навела порядок и стала собирать вещи. Натянула поверх оборванной блузки — предмета школьной формы детского дома — сшитую мне Гетой куртку из лисьих шкур. И снова почувствовала, что на глаза неудержимо наворачиваются слезы.

— Прощай, Гета, — прошептала я, в последний раз окинув взглядом подземную комнату. И вспомнила старую примету: если, уходя, оглянуться, то когда-нибудь еще вернешься. Но вернуться я хотела бы не просто так, а для того, чтобы изменить общественное устройство Благословенной — сделать всех людей этой планеты свободными. Пусть это были всего лишь мечты.

...И все-таки я оглянулась.

Снаружи было уже по-зимнему холодно. Пробираясь по лесу к катакомбам, я на время забылась, слушая шелест сухой листвы под ногами. На секунду мне показалось, что я иду не одна, — будто мы вместе с Гетой идем на охоту и он шагает позади. Листва шуршала так оглушительно, а ощущение его присутствия было столь правдоподобным, что я даже оглянулась.

Я опоздала на несколько минут. Добравшись до герметичной двери заброшенного убежища, простучала по металлу кодовый сигнал. Кешиа отворил сразу же.

— Я же просил не опаздывать! Быстрее, — ворчал он. — А где Гета? Он что, с ума сошел? Я все подготовил. Другой возможности может не быть!

— Он умер, — перебила я. — Сердечный приступ сгодня утром.

Какое-то время профессор смотрел на меня, выпучив глаза, а потом начал хватать ртом воздух, не в состоянии вымолвить ни слова. Казалось, теперь плохо с сердцем стало у него. Это меня разозлило. Я больше не собиралась позволять жизни издеваться надо мной: схватив старика за плечи, я принялась трясти его изо всех сил.

— Кешиа! Успокойтесь и скажите мне, что нужно делать. Я не хочу хоронить еще и вас. Возьмите себя в руки. Сегодня я должна улететь с Благословенной. Вы сказали, у вас все готово!

— Да-да, — наконец прохрипел Кашиа, собравшись с мыслями. — Пойдем скорее... Я все подготовил... Другой возможности может и не быть... — бормотал он. — Может и не быть... Сюда, сюда!..

Кешиа вел меня сначала темными тоннелями ливневок, потом канализационными коллекторами. Кое-где свод был так низок, что нам приходилось пробираться чуть ли не ползком. Профессор шел впереди, и я удивлялась его проворству, ведь ему было не меньше восьмидесяти. Наконец он остановился и объявил, что мы находимся под космодромом.

— Через этот люк ты выберешься на поверхность. Корабль будет справа — он уже готов к взлету. А слева... — он посветил фонариком на листок бумаги с чертежом, — слева будет стена здания космодрома. Как только проникнешь внутрь, сразу блокируй двери — вчера я рассказывал вам с Гетой, как это сделать.

— А вы разве не пойдете со мной? — насторожилась я.

— Я слишком стар для таких передраг. Лучше попытаюсь отвлечь их внимание.

— Но я не смогу управлять кораблем! Я же не умею! — запаниковала я.

— Этот корабль оснащен новейшим оборудованием и управляется с помощью компьютера. Генерал Кедров планировал вылететь на нем утром. Пароль — «рука дружбы». Маршрут уже задан — космолет должен отправиться на одну из недавно освоенных планет.

— Что за планета?

— Там проводят какие-то военные испытания — это все, что мне известно. Поэтому сразу после взлета нужно будет скорректировать маршрут. Тебе следует попасть на планету под названием Московия — на мою родину. Там живет моя внучка Нора. Найди ее и все о себе расскажи. Уверен, она не откажется тебе помочь. И еще... Передай ей... Что я прошу прощения за все, что натворил. Обещай мне, что передашь ей эти слова!

Сказав это, он крепко схватил меня за руку, словно силой собирался вырвать из меня обещание.

— Хорошо, я обещаю! Но, быть может, вы хоть попытаетесь спастись, чтобы увидеться с внучкой?

— Это исключено. Она никогда не простит меня живого — так пусть простит хоть мертвого, — сокрушенно покачал головой профессор. Но вдруг, опомнившись, сказал: — Я отвлеку охрану, а ты беги к кораблю. Ну, с Богом!

С этими словами он приподнял крышку коллектора.

Мы вынырнули из-под земли и стали медленно пробираться в тени стены. Взлетная площадка была освещена, на ней возвышалась блестящая серебристая громада корабля. Такой красоты мне еще не приходилось видеть, и в первые секунды у меня дух захватило от волнения. Наконец я пришла в себя и заметила, как Кешиа отделился от стены и направился в сторону шагающего по периметру охранника, который как раз находился в самой дальней от трапа космолета точке своего маршрута. Близился решающий момент.

Старик возник перед военным внезапно. Тот от неожиданности встал перед ним как вкопанный, нацелив на него автомат, а ко мне повернувшись спиной. Зазвучали их голоса: приглушенный старческий, словно оправдывающийся и несший какую-то околесицу, и каркающий командный: «Кто ты такой? Ты как сюда попал?» Не теряя времени, я бросилась к космолету. Подошвы моей обуви были обмотаны тонкими заячьими шкурками, и шагов слышно не было — это мы предусмотрели. Не предусмотрели только безвременной кончины Геты и сообразительности военного. Он заподозрил, что это всего лишь отвлекающий маневр, и, когда я была уже у трапа, открыл огонь. Автоматная очередь просвистела совсем рядом, несколько пуль отрикошетили от поручней. Пригнувшись, я взлетела по ступеням, услышав звуки борьбы. Судя по всему, Кешиа боролся с охранником, пытаясь помешать ему продырявить меня, поэтому тот и промазал. Но долго эта борьба продолжаться не могла: раздалась еще одна, короткая очередь — Кешиа вскрикнул и, судя по звуку, свалился на бетон взлетной площадки. Это могло означать только одно... Но оглядываться времени не было. Я дернула рычаг справа от входа.

Дверь стала медленно подниматься, словно захлопывалась гигантская отвисшая челюсть. Пули со всех сторон затарабанили по бронированному корпусу, слышались быстрые приближающиеся шаги и крики. Но все это, к счастью, вскоре осталось по ту сторону двери.

III

Я, естественно, не умела управлять космическим кораблем. Но терять было нечего, стоило попытаться. Я села за пульт управления, и мягкое, обшито кожей кресло безропотно приняло своего нового капитана. Вопрос был лишь в том, сумеет ли этот капитан выполнить самое простое действие — взлететь.

Никогда прежде мой мозг не работал так быстро и четко, и это поразило меня.

«Какой смысл в панике? — подумала я, разглядывая приборную панель. — Эмоции потом. Сейчас нужно поднять этот летательный аппарат в воздух. А там видно будет».

Я набрала в окошке бортового компьютера пароль, а затем указала: «Взлет в экстренном режиме».

Наверное, это было моей ошибкой, но я помнила предупреждение Кешиа, что на все про все у меня около семи минут. После чего дверь разблокируют и меня схватят. И, как говорили мои предки, слезай с коня, никуда не поедem! Дело в том, что в допотопные времена люди пользовались животными как средствами передвижения. Кони, надо полагать, как раз относились к таким транспортным средствам.

«Внимание! Автопилот включен, — раздался приятный женский голос. — Генерал Кедров, подтвердите маршрут».

Времени корректировать маршрут тоже не было. Решив, что сделаю это потом, во время полета, я подтвердила все, что от меня потребовал компьютер, в том числе команду на взлет. И, услышав какие-то жуткие звуки, похожие на шум электрогазосварки вперемежку с шипением масла на сковороде, почувствовала, как кресло, в котором я сидела, бесцеремонно пристегнуло меня ремнями безопасности по рукам и ногам. Я покрылась холодным потом, осознав, что сейчас начнется, — ведь еще ни разу в жизни мне не приходилось летать даже на самолете. Зато теперь можно было не опасаться, что в дверь постучат, вряд ли кто-нибудь в здравом уме станет торчать возле корабля, когда он взлетает.

«Пункт назначения — секретная военная база планеты Альфа-88», — услышала я и ощутила, как что-то меняется: то ли давление воздуха, то ли сила тяжести. Но внезапно в мое плечо вонзилась игла, и я отключилась.

Когда очнулась, все вокруг гудело, тряслось, трещало и мигало. Я предположила, что мой корабль входит в атмосферу. И даже не стала задавать себе вопрос, как долго продолжался полет. В любом случае, я представляла себе межзвездное путешествие совсем иначе: много-много дней плавать в невесомости, поглощая космическую пищу из тюбиков и поглядывая в иллюминаторы на звезды. Но никак не проспать все самое интересное! Впрочем, думать сейчас нужно было о другом: похоже, пока я спала, произошло нечто плохое, поскольку посадка ожидалась в аварийном режиме. Компьютер сказал мне на прощание пару слов о том, что повреждены какие-то там системы и мне предстоит что-то вроде катапультирования.

Потом все смолкло и погасло. Меня облепило надувными подушками. И наступила тишина...

Такой гнетущей тишины я еще ни разу в жизни не слышала. Даже жить расхотелось. Потом последовал толчок и несколько переворотов. Еще пару секунд унылой тишины в состоянии свободного падения... Хлопок самораскрывающегося парашюта... Несколько минут парения над бескрайней унылой равниной...

Я рухнула в мокрую траву как подкошенная, даже не пытаясь сопротивляться силе тяжести неведомой планеты. И не вставала. Я читала, что человек, не привыкший к медикаментам (а я с рождения не проглотила ни одной таблетки), от некоторых лекарств может на время впасть в апатию или, наоборот, в истерику. Кто знает, что за препарат мне вкололи на время полета и сколько я проспала? А возможно, это были всего лишь последствия стресса от пере-

несенного. Так или иначе, чувствовала я непередаваемое: горечь утраты, невероятное одиночество, голод и полное безразличие к тому, что будет со мною дальше. Потрясающее сочетание, не правда ли?

Шел дождь. В свинцово-сером небе надо мной клубились тучи. Были сумерки — то ли поздний вечер, то ли раннее утро. А может, просто очень хмурый день.

Мелькнула безрадостная мысль: «И это называется свободой?»

Непослушным языком я стала напевать самую веселую детскую песенку, какую только могла вспомнить, но слезы все равно полились в три ручья. А потом я начала дико смеяться, то и дело всхлипывая.

«Да у тебя самая настоящая истерика!» — констатировала я. Но взять себя в руки не получалось.

Однако, как только ко мне подбежали люди в форме защитного цвета, я тут же перестала плакать и смеяться. Но было поздно. Меня схватили и куда-то поволокли.

IV

Сначала меня несколько дней продержали в маленькой камере с койкой и парашей, словно преступницу. С той лишь разницей, что заключенных кормят, а мне давали только воду. А потом меня пожелал видеть какой-то очень респектабельного вида дядя в костюме, похожий на наркобарона, каких в фильмах показывают. Оборванную, грязную и едва живую, меня вывели к нему в наручниках, будто у такого жалкого существа еще могли оставаться силы, чтобы удрать от целой армии вооруженных людей! Оглядев меня, дядя остался доволен и распорядился меня переодеть, накормить и отвести в его лимузин. Мне выдали тюремную робу — не совсем по размеру, но она хотя бы оказалась чистой. И поставили тарелку чего-то съедобного: я даже не стала вдумываться, что это за пища, потому что просто умирала с голоду. Ведь в последний раз я ела за миллион световых лет отсюда! Однако, помня, что после длительной голодовки нельзя есть слишком много, заставила себя остановиться на половине тарелки. А в это время мой новоиспеченный хозяин отсчитывал деньги, чтобы расплатиться за меня. Еще и поторговался, насколько мне удалось разглядеть из окна «столовой». Виды, открывающиеся из лимузина, в котором меня везли неизвестно куда, были не из веселых: бесконечные военные базы со шлабаумами и КПП, тюремного вида здания, а в промежутках между признаками цивилизации — бескрайние унылые поля и низко нависшее над ними серое небо, матовое, словно потолок. Мелкий противный дождь не прекращался. — У вас тут что, сезон дождей? — осмелилась спросить я — хуже уже вряд ли могло быть. Но мне не соизволили ответить ни «рабовладелец», ни его водитель. — Куда вы меня везете? — громче спросила я. На это респектабельный дядя обернулся с переднего сиденья и молча, с интересом еще раз оглядел меня: мол, она еще и говорить умеет! А потом снова уткнулся в складной компьютер, стоявший у него на коленях. Общаться со мной не собирались, несмотря на то, что на этой планете говорили на том же языке, что и на Благословенной, — на универсальном межгалактическом. Существует теория, что когда-то он назывался английским и на нем разговаривало большинство землян, но с тех пор этот язык наверняка сильно изменился. Я подалась вперед и через плечо в смокинге увидела экран, а на нем — таблицу с именами и еще какими-то цифрами и данными. У меня было очень хорошее зрение, и я успела прочесть набранное над таблицей жирным шрифтом: «Высшая школа „Универсальный солдат“». Это была не бог весть какая информация, но уже кое-что. Теперь я хотя бы знала, что меня не в бордель везут и вряд ли собираются продавать мои внутренние органы. Можно было бы догадаться, что на засекреченной планете Альфа-88, где, как говорил Кешиа, проводятся «какие-то военные испытания», целью похищения человека должно быть нечто иное. Например, из меня попытаются сделать универсального бойца. Или станут проводить надо мною опыты. Какие? Да какие угодно! Например, испытания на выносливость. Никогда не верьте утверждению, что иногда лучше не знать. «Меньше знаешь — крепче спишь», — говорили мои предки. Но существовала и прямо противоположная по смыслу поговорка: «Знал бы, где упасть, соломки бы подстелил». Под соломкой, верно, подразумевался какой-то распространенный на Земле материал растительного происхождения, способный смягчить падение. Возможно, мне в какой-то степени было бы легче не знать, что меня ждет. Но тогда я не сумела бы правильно оценить ситуацию, чтобы попытаться спастись. Итак, вырвавшись из одного плена, я тут же попала в другой — и, может быть, страшнее прежнего.

Я сидела в читальном зале и размышляла над домашним заданием, листая толстенный том трудов какого-то философа — сейчас уже не вспомню его имени. Уже третий день кряду с полудня до позднего вечера я, как бы выразились земляне, «грызла гранит науки», проходя полсотни метров от входа этого огромного уставленного стеллажами с книгами и столами с компьютерами помещения до своего рабочего места, прерываясь лишь на утренние занятия, прием пищи и шестичасовой сон. Честно говоря, у меня складывалось ощущение, будто я ока-

залась среди умалишенных. С той лишь разницей, что как к сумасшедшей здесь относились лишь ко мне. Или, скорее, как к еще не ставшей нормальной — такой, как все. Учащиеся Высшей школы «Универсальный солдат» — сплошь молодые люди от семнадцати до тридцати — были не очень-то болтливыми, а если кого и удавалось разговорить, они начинали нести такую околесицу — мама не горюй! При этом никто из них не помнил, как они тут очутились, кем были раньше и что происходит на самом деле. Предметы учебной программы, на первый взгляд, были вполне обыкновенными для специализированного учебного заведения: военная топография, история оружия, математика, инопланетные языки, рукопашный бой, практическая стрельба... Но что-то было не так. Даже не считая того, что я находилась здесь не по своей воле. Слишком уж все было правильно и спокойно. А студенты напоминали роботов, беспрекословно выполняющих все пункты распорядка дня. Поэтому и я решила не выделяться, чтобы получше оценить обстоятельства передрыги, в которую попала. А поскольку самые полезные мысли посещали меня в одиночестве, я взяла за правило каждый день несколько часов проводить в библиотеке, чтобы подумать в тишине. Заодно вычитывала всякие интересные вещи о жизни на разных планетах — развитых и не очень. А любое знание, как известно, — сила. К тому же, как сообщал информационный стенд в фойе главного корпуса, близились каникулы — несколько дней полнейшего безделья с возможностью посещать факультативные занятия по интересам. И я планировала провести эти дни опять же в читальном зале — самом спокойном месте «универса». Разумеется, я не надеялась найти в этих книгах и базах данных хоть какую-то полезную информацию о том, как отсюда выбраться, ведь они были предназначены для нас, подопытных. Но чтение меня всегда успокаивало. И пока я листала учебники, меня, что называется, затянуло. Логические конструкции, псевдоисторические факты, поучительные истории и сногшибательная философия альтруизма ради блага общества... Мы все были недоделанными вещами, которые через пару лет продадут новым хозяевам — в крупные корпорации. И мы будем служить им, не жалея сил, рискуя своими жизнями, и, если понадобится, пойдем на верную смерть, глазом не моргнув. Потому что спустя три курса мы станем идеальным оружием — с тертыми личностями без страхов и иллюзий. Понять это было несложно, впрочем, как и догадаться, что вместе с едой нас пичкают препаратами, от которых постепенно забываешь, кто ты и зачем ты. Только вот где взять другую еду и как побыстрее выбраться из этого дурдома?

Поначалу мне казалось неправдоподобным, что меня могут заставить что-либо делать против моей воли. Ну как из меня могли вылепить солдата, если я на это не соглашалась? К тому же и условия были вовсе не казарменными. Я могла пропустить занятие-другое, сославшись на плохое самочувствие. Могла не явиться на ужин или завтрак — никто бы мне слова не сказал, потому что я, как и все остальные, не была ограничена в движениях в пределах Высшей школы. Но ее территория была обнесена неприступной стеной с двумя рядами колючей проволоки, словно в тюрьме строгого режима, и не было ни малейшей возможности перебраться на ту сторону. А по эту разыгрывался настоящий спектакль «университетской» жизни. Каждую неделю в этом дурдоме проходила вечеринка: на первом этаже в большом актовом зале, а при хорошей погоде — в саду под открытым небом собирались студенты всех курсов. Я такие мероприятия исправно посещала в надежде узнать что-нибудь полезное или наладить с кем-нибудь контакт. Поначалу ничего не выходило. Одни студенты рассуждали о бессмысленности жизни, другие, недавно прибывшие, — о своих подозрениях, что «здесь что-то не так». Среди них попадались неврастеники, которые, видя во мне пока еще нормального человека, с пеной у рта начинали уверять, что их пытаются свести с ума. Замечая таких перевозбужденных субъектов, вездесущие охранники быстро умирляли их электрошокерами. Впрочем, уже через неделю эти несчастные напрочь забывали о своих тревогах и с головой уходили в учебу. Второкурсники готовы были болтать исключительно об учебных дисциплинах и даже начинали злиться, когда я переводила разговор на что-нибудь другое. А поскольку в моем положении лучше всего было привлекать к себе как можно меньше внимания, приходилось имитировать интерес к обсужда-

емым предметам. Еще сложнее дело обстояло с третьекурсниками. Они были проницательны и подозрительны. Задавали каверзные вопросы, явно стремясь выяснить, насколько уже промыт мой мозг, и наверняка доносили о результатах преподавательскому составу. Приходилось держаться начеку. Однако я все же рискнула спросить одного, зачем нам, будущим солдатам, эти танцульки с напитками, расслабляющими тело и разжижающими мозг. И этот чувак совершенно серьезно и обстоятельно, с научной точки зрения принялся мне объяснять, что релакс время от времени необходим, «чтобы лучше воевать». А я вспомнила еще одну древнюю поговорку: «Пьяный солдат дерется дольше». И не стала спорить. Решила искать сообщников в среде новичков, которые хотя бы отдаленно еще напоминали нормальных людей. Однако, как выяснилось, искала я не там.

V

Спустя месяц пребывания в стенах Высшей школы на одной из таких вечеринок я приметила в толпе парня, которого раньше не видела. Ничего особенного, парень как парень. Но с не характерной для остальных зомби искоркой в глазах. ...Среди сотен лишенных осмысленности, пустых глаз меня обжег его скупающий насмешливый взгляд. Самое интересное, что этот студент был третьекурсником. Выпускники, в отличие от нас, «зеленых», носили форму красного цвета. Как мог он сохранить здравый рассудок, находясь здесь третий год?

Испокон веков считалось, что мужчина должен сделать первый шаг, порядочной девушке недопустимо вешаться на парней и все такое. Но здесь это правило теряло смысл. Даже учитывая, что у меня никогда раньше не было отношений с противоположным полом. Я подошла первой.

— Привет! Хочешь потанцевать со мной? — предложила я, возникнув перед ним.

Он едва заметно удивился моему неожиданному появлению и осторожно посмотрел по сторонам — скорее, скосив глаза налево-направо, нежели поворачивая голову.

— Недавно здесь? — насмешливо спросил парень, положив руку на мою талию, и мы плавно вошли в ритм медленного танца.

— Именно. И пока еще не выжила из ума, задаюсь вопросом: откуда среди этих параноиков нормальный человек?

Усмешка в одно мгновение сошла с его губ.

— Сколько времени ты тут находишься?

— Чуть больше месяца.

— Как тебе... — Он умолк, с деланой улыбкой переждав, пока мимо пройдет наблюдающий, и лишь затем продолжил: — Как тебе удалось продержаться так долго?

— Тебе не кажется, что здесь скучотища смертная? Давай дружить, — предложила я. — Меня зовут Жека. А тебя?

— Дис, — коротко ответил он, снова осторожно озираясь по сторонам. — Меня зовут Дис.

— Скажи мне, Дис, ты тоже хочешь стать универсальным солдатом или твоя единственная мечта — слинять отсюда поскорей? — продолжала я мрачно шутить.

— Если наутро ты не забудешь того, что сказала сейчас, — шепотом произнес Дис, наклонившись к моему уху (он был на голову выше меня), — встретимся в читальном зале. Я видел тебя там — ты каждый день приходишь.

— Да, я люблю читать. Но тебя почему-то там не замечала.

— Крайний стол в левом ряду за шестым от окна стеллажом не захватывают камеры видеонаблюдения. Там и поговорим, — сообщил он. — Завтра. А если мне не удастся вырваться, то послезавтра.

— Я хочу сейчас! — воспротивилась я. Но рядом вновь появился любопытный страж порядка, и Дис внезапно заткнул мне рот поцелуем.

То был поцелуй-кляп, и я вполне сознавала это. Но все равно что-то приятное произошло со мной в тот момент, заставив ответить даже на такой поцелуй. И бьюсь об заклад, Дис даже не понял, что это был первый поцелуй в моей жизни.

— Здесь слишком шумно. Отойдем? — предложил он, оторвавшись от меня. А его рука продолжала аккуратно поддерживать мою спину. Я увидела его налившиеся кровью глаза и подумала: так вот как это, оказывается, происходит...

Мы отошли в сад и присели на свободную скамью, где Дис ради конспирации приобнял меня, а я положила голову на его плечо.

Погода стояла на удивление теплая. Прямо перед нами какой-то другой парень самозабвенно лобзал какую-то другую девушку, постанывающую от удовольствия. И они были так заняты друг другом, что можно было не опасаться говорить прямо при них.

— Я уже много месяцев не разговаривал с нормальными людьми, — признался Дис. — Расскажи о себе. Откуда ты?

— А не лучше ли сразу к делу? — вспылила я.

Эта его реплика — «много месяцев не разговаривал с нормальными людьми» — напомнила мне первую встречу с Гетой, и сердце защемило от тоски при воспоминании об утрате.

— Времени мало, — добавила я.

— Полгода назад я пытался помочь здесь одной девушке. Но через пару недель она стала такой же, как все. Ты тоже долго не протянешь. Утешил, ничего не скажешь!

— А вот ты, я вижу, в этом дурдоме не пару недель, — возразила я. — Как ты это делаешь? Может, и я смогу?

— Теоретически даже самый психически устойчивый человек не может сопротивляться больше пары месяцев. А некоторым и недельки хватает.

— Как ты это делаешь? — повторила я вопрос. Ведь было ясно, недельки у меня нет, я и так провела здесь уже месяц и начинала замечать всякие странности, происходящие с головой. С самого начала я обратила внимание на время от времени посещающее меня чувство бессмысленности жизни. Такие приступы случались все чаще. Но пока я еще справлялась с апатией, которая могла быть предвестником серьезного умопомрачения.

— Я блатной — и все дела, — сказал Дис.

— То есть как это?

— Мой отец — один из самых богатых людей галактики. Время от времени он отстегирует приличную сумму ради того, чтобы из меня не сделали идиота.

— Что же он сразу тебя не выкупит? — удивилась я.

А в это время парень напротив принялся срывать одежду со своей партнерши...

— Это сложно. Альфа-88 — секретный объект. Вырваться отсюда равносильно чуду. Или дезертирству. Это все равно что бежать от уголовного наказания — тебя будут искать, пока не найдут. Всю оставшуюся жизнь придется скрываться, — говорил Дис, безучастно глядя на разворачивающуюся на наших глазах сцену неистовой любви таких же, как мы, — «зеленой» и «красного». — В этой части галактики военные контролируют все и вся, ни один шаг не остается незамеченным. Ведь если кому-нибудь удастся побег, на воле окажется человек, в которого вложена куча денег и знаний, а они дорогого стоят. Лучше, чтобы все выглядело естественно: через несколько месяцев отец выкупит меня на законных основаниях. Да и отношения у нас с ним сложные: подозреваю, он нарочно упек меня сюда, чтобы я «поумнел» и «жизни научился». Вроде как в армии отслужил. И чтобы впредь поступал, как он велит. ...Ты мне нравишься, — сказал он вдруг, заметив приближающегося к нашей скамье стража. — Может, тоже займемся любовью? — И с этими словами снова бесцеремонно овладел моими губами.

Второй поцелуй был длиннее и осмысленнее первого, мы словно пробовали друг друга на вкус, слушая удаляющиеся шаги надзирателя.

— Ты можешь мне помочь? — спросила я, оттолкнув его от себя сразу же, как только шаги тяжелых ботинок стихли.

— Увы, — сухо ответил отвергнутый Дис.

— Мне нужна твоя помощь. Хоть какой-нибудь совет, хоть что-нибудь! — взмолилась я. Я «хваталась за соломинку», как говаривали мои предки.

— Тебе лучше поспать, — сказал он. — Не уверен, что завтра...

— Завтра и послезавтра я останусь собой! — перебила я. — Они что-то подмешивают в еду, правда?

— И не только в еду. Это комплексная методика. Скажи, тебе случайно не снится какой-нибудь повторяющийся сон?

Я напрягла память.

— Да, в последнее время я пытаюсь открыть во сне какую-то дверь.

— Значит, уже началось.

— Началось что?

— Необратимая реакция.

— Откуда ты знаешь?

— Со всеми это происходит. Тебе отсюда не выбраться.

— Как ты можешь вот так спокойно выносить мне смертный приговор?! У меня крепкие нервы: мое детство прошло в приюте, я не знала родительской ласки, а потом еще три года провела в бегах — жила в лесу с отшельниками, охотясь на диких зверей. Я угнала космический корабль у военных! — выпалила я.

— Да что ты?

— А как, по-твоему, я здесь оказалась?

— Угонять корабль, чтобы прилететь сюда, было глупым поступком.

— Там, откуда я бежала, не многим лучше.

— Какой бы крутой ты ни была, у тебя нет шансов.

— Но ты хоть попытаться-то можешь? — не отступала я.

— Даже пытаться не стану, — отрезал Дис. — И насчет завтрашнего свидания в читальном зале — забудь.

Он встал и зашагал прочь. Но я догнала его и преградила дорогу:

— Дис, пожалуйста! Я не хочу умирать здесь вот так.

— Ты не умрешь. Ты будешь жить дальше, счастливая и с промытыми мозгами, — довольно резко ответил он и попытался меня обойти.

Дис старался казаться равнодушным, но я почувствовала, что за этим скрывается боль. Быть может, он уже не раз пытался помочь новеньким, но все попытки заканчивались неудачно, предположила я. И поклялась себе удивить его — не дать съехать своей крыше. Когда что-то себе пообещаешь, легче не отступить на полпути. Это всегда было моим главным трюком в борьбе за выживание. Я опять преградила ему дорогу.

— Оставь меня в покое! — разозлился Дис. — Ты представить себе не можешь, каково это: привязаться в здешнем аду к человеку, а потом потерять его. Делай, что хочешь, но моя совесть чиста, я сказал тебе правду: ничего не выйдет!.. Извини, — вдруг остыл он, неожиданно оробев под моим взглядом. С детдомовских времен я привыкла смотреть людям в глаза и могла выдержать любой взгляд. — Я правда ничем не могу тебе помочь.

Тогда уж разозлилась я.

— А теперь послушай меня. — Поскольку надзиратель как раз снова проходил мимо, я обняла Дису за шею и приблизила свой рот вплотную к его губам. Но не для поцелуя. — Я не знаю, что у тебя там за душевные драмы были. Но я не собираюсь тут с катушек вместе со всеми остальными слетать, — гневным шепотом заговорила я. — Клянусь тебе: если ты меня бросишь, а я, не дай бог, выживу, то из-под земли тебя достану, а потом зарю. Ты меня понял?

— О-о! — наигранно испугался Дис.

— Ого-го! Так что запишись в библиотеку. И прихвати мне бутерброд побольше, договорились?

Представляя себе этот самый большой и вкусный в мире бутерброд, я в свою очередь коротко чмокнула Дису на сон грядущий и отступила.

По-видимому, его позабавил мой монолог. Он посмотрел на меня сверху вниз, как взрослый смотрит на ребенка, и сочувственно покачал головой.

— Пойми, Жека... или как тебя там... это бесполезно, — сказал он мне.

— Меня зовут Евгения, — бросила я, уходя.

VI

Честно говоря, я не представляла, как Дис может мне помочь. Но если не он, то кто? Вернувшись в свою комнатенку, я завалилась на койку и стала все обдумывать в тишине и темноте. Но тихая, еле слышная музыка опять донеслась до слуха, как прошлой ночью. Теперь я была уверена, что она мне не мерещится, как это случается порой в момент засыпания. Но все равно от нее с ума можно было сойти! Уже только потому, что мелодия была такой неясной и зыбкой, что ее невозможно было напеть. Временами она превращалась в отдаленный гул ветра, в крики, подхваченные эхом, плавно перетекала в женское пение под переливы арфы, а потом модулировала в более низкие тональности и оборачивалась таким страшным нагромождением звуков, что мурашки бежали по коже. Среди всей творящейся вокруг неразберихи ясно было одно: эту так называемую музыку слушать нельзя. Наверняка она тоже что-то внушала. А раз нас подвергали, как утверждал Дис, комплексной методике, я сделала вывод, что одного подмешивания отупляющих препаратов в еду недостаточно. Что если убрать из цепочки некоторые звенья? Пожалуй, тогда превращение в универсального солдата если и не прервется, то пойдет значительно медленнее.

Вдохновленная догадкой, я смастерила из лоскута, оторванного от собственного белья, беруши и продолжила обдумывать в приятной звенящей тишине свое положение, а еще — первый в моей жизни поцелуй, случившийся при столь необычных обстоятельствах.

«Музыка — раз. Кромешная темнота в комнате без окна — два. Тоже чтобы на психику давило. Еда — три... Значит, пища — не главное звено. Кто бы стал устраивать весь этот цирк, если б все можно было решить при помощи одной пилюли? А если так, то системе можно противостоять! Только бы Дис пришел завтра в читальный зал и рассказал мне побольше!» — с этой мыслью я заснула.

В доброй тишине я спала крепко и сладко, не то что в предшествующие ночи, наполненные тревожными черно-белыми кошмарами. И на этот раз злосчастная дверь, которую я уже много ночей кряду стремилась открыть, не приснилась мне.

В ту ночь мне снился цветной сон: наш детский дом весной, в саду цветут яблони, а я, усевшись под одной из них, читаю учебник по физике, готовясь к экзамену. То был один из самых спокойных и светлых дней, проведенных в детском доме. ...Мне снилось, как затем ночью, включив под одеялом фонарик, я перечитываю сохранившийся листок из бабушкиного дневника. А потом приходит Гета и долго говорит о том, что я должна совершить что-то очень важное, а я все сомневаюсь, получится ли у меня.

«Ты все сделаешь правильно. Только не сдавайся, борись!» — слышала я его такой родной голос и удивлялась тому, что он жив.

Правда, заканчивался сон не слишком радостно: мы снова целовались с появившимся откуда ни возьмись Дисом, но вдруг произошло что-то нехорошее — и он провалился в разверзшуюся серую пропасть.

Я проснулась, когда в моей комнате загорелся яркий свет. Будильник, почти не слышимый сквозь заткнутые уши, настойчиво повторял: «Элизабет, подъем! Элизабет, подъем!» Такое имя дали мне, насильно приютив в этом сумасшедшем доме.

Принимая душ, я пыталась прогнать чувство тревоги: а вдруг Дис не придет сегодня? И с нетерпением ждала момента, когда доберусь до читального зала. К счастью, он пришел. Правда, заставил прождать его несколько часов.

— Привет, Элизабет! — подсев ко мне за тот самый стол, в левом ряду за шестым от окна стеллажом, сказал он и улыбнулся, точно издеваясь.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — отгрызнулась я, отрывая от книги красные, воспаленные от долгого чтения глаза. Сначала я старалась лишь делать видимость, будто читаю, и

особо не вникать в написанное, чтобы не поддаться влиянию. Но очень уж замечательно говорилось в учебнике о патриотизме и самоотверженности — не удержалась.

— Я нашел твою читательскую карточку на столе библиотекаря, — ответил Дис и протянул мне пластиковый прямоугольничек с моим именем и фотографией. — Ты ее там, наверное, забыла.

— Наверное, — снова огрызнулась я, выхватив у него из рук свой читательский билет. — Ты что-то слишком долго шел.

— А ты с самого утра?..

— ...Тебя жду, — закончила я. — Было бы это где в другом месте, послала бы я тебя за такие проделки ко всем чертям!

— Я был на тренировке по дзюдо, это такое древнее единоборство, — объяснил Дис. — Я их обычно не пропускаю — может здорово пригодиться в жизни. На вот, поешь, сразу станешь добрее, — сказал он, вынимая из кармана внушительного размера бутерброд, завернутый в салфетку. — Буквально от сердца оторвал.

Я молча схватила примирительный подарок и быстро набила рот. С утра я ничего не ела, решив, что лучше буду голодать, чем стану такой же, как все эти психи вокруг. Но полдня без еды оказались довольно мучительными, так что я уже подумывала отказаться от затеи пропустить еще и ужин.

Перекусив и действительно немного подболев, я предположила, что Дис, скорее всего, решил проверить меня, подвергнув томительному ожиданию. Но не стала упрекать его: в конце концов, он имел полное право полагать, что меня надолго не хватит. Вероятно, даже эти несколько часов могли меня подкосить — он ведь небось за три года повидал немало бунтарей вроде меня. Однако я намеревалась доказать обратное.

«Не дождешься», — пообещала я про себя.

В тот день мы с Дисом условились, что он будет тайком передавать мне «здоровую» еду. Хотя здоровым этот скудный паек можно было назвать лишь с большой натяжкой. Первые несколько дней я просто на стенку лезла от голода, но потом привыкла.

Во время каникул мы встречались в читальном зале каждый день. Делали вид, что конспектируем учебники, а на самом деле общались — шепотом или посредством письма. А в конце недели, когда пришло время прощаться, Дис сказал:

— Продержись еще несколько дней. В выходные мы встретимся на очередном «капустнике». А я за это время что-нибудь придумаю, обещаю. Все будет хорошо.

И, по-братски поцеловав меня в лоб, ушел не оглядываясь.

Я же, оставшись в одиночестве, затосковала над распахнутой книгой.

«Все будет хорошо...» Легко ему говорить! А мне было страшно. Кто знает, что могло со мной случиться за эти несколько дней? Тревожась о своей судьбе, я неосознанно протянула руку к медальону. У меня с детства была привычка тереть его, когда я нервничала. Однако на этот раз я с ужасом обнаружила, что его на шее нет.

«Мой медальон пропал! А я даже не заметила, когда это случилось. Ну точно, что-то с головой не так!» Я старалась изо всех сил, но не могла вспомнить, что его отобрали вместе со всем, что было на мне надето, когда привезли сюда, выдав взамен учебную форму и зубную щетку. Я забыла и то, какую истерику устроила, когда меня разлучали с моим сокровищем. Как втолкнули в бокс с душем и долго поливали холодной водой, точно я получила дозу радиации. Тот злосчастный день напрочь выпал из моей памяти, как и многое другое.

Я попыталась выстроить события в их последовательности, но поняла, что уже и этого не могу сделать. Что затрудняюсь даже ответить на простейший вопрос: что было раньше — тот большой бутерброд, который мне принес Дис в читальный зал, или наш с Дисом первый поцелуй?

«Ну гады! Они мне за это ответят!» — негодовала я, сжимая кулаки.

VII

Прошло дней пять, а может быть, десять. Все они были однообразными до невыносимости, и я потеряла им счет. Я забыла о берушах, и мне даже начала нравиться звучащая перед сном музыка — без нее уже не получалось заснуть. Все чаще я стала задаваться вопросом: а зачем вообще сопротивляться? Ведь так легко и просто делать то, что тебе велят. А чтобы подавить крепчавшую вселенскую тоску, я взяла за правило посещать все без исключения занятия и делать все без исключения домашние задания — ушла в учебу с головой, как все мои предшественники. Я бегала, стреляла по мишеням, собирала и разбирала оружие, рисовала планы пересеченной местности, училась причинять боль и оказывать первую помощь, изучала языки и штудировала кучу разнообразной литературы. Мои учителя говорили, что я делаю успехи, и меня это радовало. И я была бы совершенно счастлива, если бы не мерзкое, шевелящееся в глубине души подозрение, будто у меня отняли что-то очень важное.

Каждый раз, пытаясь понять, что же меня гнетет, я вспоминала о своем медальоне, и это возвращало к реальности. Но вместе с тем меня неотступно преследовала бредовая мысль: я во что бы то ни стало должна его отыскать, иначе произойдет что-нибудь ужасное. Например, конец света. Однажды утром, одержимая навязчивой идеей, что медальон мог незаметно снять с меня Дис во время нашего первого танца в саду, я отправилась прямо в корпус третьекурсников, постучала в дверь его комнаты и, разразившись страшными проклятиями, потребовала вернуть украденное.

Высунув голову в коридор и посмотрев по сторонам, Дис втащил меня внутрь, пока никто не заметил моей истерики. Заперев дверь, он залепил мне рот скотчем, им же обвязал мои запястья, чтобы перестала драться, усадил на свою койку и долго что-то говорил, потом кричал. Отвечать с заклеенным ртом я не могла, поэтому просто смотрела на него ненавидящим взглядом. Сделав вывод, что я ничего не соображаю, Дис достал из своего шкафчика для одежды маленький футлярчик, вынул оттуда шприц и, грубо повалив меня на койку, всадил в плечо укол.

Постепенно пришло осознание происходящего. Возвратилась и память. Лежа одним ухом на подушке, пахнувшей Дисом, я с легкостью вспомнила, что мои вещи вместе с медальоном положили в металлический ящик с номером, который я специально тогда заучила, чтобы потом найти. Я была спокойна, саднило лишь чувство потери — э тот медальон был мне дороже всех вещей на свете.

— Он в ящике номер 232982, — тихо произнесла я. И добавила: — Не думала, что сломаюсь так скоро.

— Скоро? — Дис ободряюще потрепал меня по щеке и заправил мой выбившийся на лицо локон за ухо. — Между прочим, прошло уже полгода. Зима на дворе — ты не заметила?

— Что? — я рывком поднялась из лежачего положения в сидячее.

— Не делай сейчас резких движений — может закружиться голова, — предупредил Дис.

— Что это был за укол? — спросила я, укладываясь обратно и потирая болезненное место.

— Это на крайний случай — если у меня крыша начнет съезжать.

— А еще есть?

— Осталась парочка.

— Что ж ты раньше молчал?!

— Потому что это не выход: ими нельзя злоупотреблять.

— Я в любом случае долго не протяну, — безнадежно проговорила я.

— Тем не менее, ты — это все еще ты, — возразил Дис. — Никто пока не продержался так долго.

— А что толку?..

— Послушай меня внимательно: тебе нельзя здесь находиться. Сейчас ты уйдешь и, сославшись на недомогание, побудешь какое-то время у себя. Но помни: я рядом и буду приглядывать за тобой. Я думаю над тем, как нам выбраться отсюда.

— Как же ты собираешься это сделать? — еще безнадежнее спросила я, совершенно уже не веря, что такое возможно.

— Я обязательно что-нибудь придумаю.

— Ты и в прошлый раз так говорил.

— На этот раз все иначе: у меня есть план. Осталось проработать детали.

Возможно, он просто не хотел меня расстраивать. А я не стала говорить, что обо всем догадалась — что это был наш прощальный разговор. Он пожертвовал ради меня дозой спасительного препарата, который мог пригодиться ему самому, чтобы... попрощаться. И у меня была последняя просьба.

— Дис, поцелуй меня, — попросила я.

И подумала: «Пусть это будет последним, что я запомню».

За высокими полукруглыми окнами актового зала с утра валил снег. По ту сторону стекла выросли внушительного размера сугробы. В тот день я всего на пару часов очнулась от забвения, в котором пребывала в последнее время очень часто. Я надела длинное платье из темно-зеленого бархата и зачесала свои каштановые волосы в пучок на макушке, оставив по бокам над ушами по изящному локону. Мне предстояло сыграть роль шпионки на светском рауте — это была курсовая работа. У каждого была своя задача, и от того, как «студент» с ней справится, зависела его стоимость в будущем.

Со дня нашего последнего с Дисом разговора прошло несколько недель. С тех пор мы не виделись. Но каждый день, если не забывала прийти, я находила в условленном месте — под нашим столом в читальном зале — бумажный пакет с едой, прикрепленный скотчем к обратной стороне столешницы. Иногда там оказывался гамбургер, иногда пирожное или булочка. Но этого было слишком мало, чтобы насытиться. А постоянное чувство голода лишь усугубляло мое состояние. Провалы в памяти участились, и я давно поняла, что Дис поставил на мне крест. Но сама все еще продолжала сопротивляться. Именно потому я решила в тот день провалить учебное задание. Ведь нужно было хоть что-нибудь делать, а не просто плыть по течению. Раз уж все на свете, даже ангелы небесные, бросили меня на произвол судьбы.

Я с удовлетворением осмотрела в зеркале фойе свое отражение — обтянутую мягкой тканью платья стройную, правда слишком худощавую теперь, фигуру. Я осознавала, что уже практически побеждена, но из последних сил повторяла себе, что не сдамся ни за что. Время от времени я представляла, что сжимаю в кулаке медальон, как в детском доме, когда мне становилось особенно тяжело. Этот образ стал для меня своеобразным ключом от той самой двери из мира забвения в реальный мир, через которую я все еще могла ходить туда и обратно. В отличие от всех остальных, не имеющих такого ключа.

Я продержалась несколько месяцев, но постоянная внутренняя борьба расшатала мои нервы. Я находилась в сильнейшей депрессии и могла в любой момент расплакаться или расхохотаться. Жаль, Дис не знал, чего мне стоило держать себя в руках. Я была истощена и очень мало спала, все время опасаясь, что однажды не проснусь тем же человеком, каким засыпаю. Силы мои иссякали. Но я научилась не слушать того, что говорилось вокруг, и не думать ни о чем. Я могла надолго отключиться в середине разговора, глядя в одну точку и ничего кругом не замечая: так я отдыхала. Но в этой, казалось бы, самой плачевной ситуации у меня стали проявляться сокрытые ранее способности, будто открылся третий глаз. Например, я чувствовала, когда кто-то за моей спиной сверлит меня взглядом. Обострились слух и зрение. И в то утро я уже догадывалась, как, по легенде игры, получить «шпионскую» информацию. Но не торопилась с этим. Потому что остро чувствовала: мое спасение совсем близко и так же возможно, как одна из миллионов шахматных комбинаций. Нужно всего лишь вовремя сделать

правильный ход. Прими я тогда решение стать универсальным солдатом, цены бы мне не было. Но я решила, что вырвусь из этого ада во что бы то ни стало.

Дис бродил в толпе в фуршетной части зала, такой же скучающий и потерянный, как в тот вечер, когда я его впервые увидела, и не притрагивался к еде, лишь рассматривая закуски. Сначала он не узнал меня, скользнув по мне взглядом, но, пройдя еще пару шагов, обернулся и замер на месте:

— Жека? — прочитала я по его губам.

Между нами сновали люди, загораживая нас друг от друга. Но это не мешало мне смотреть на него в упор.

— Замечательно выглядишь, — приблизившись, осторожно сделал мне комплимент Дис. Я не ответила.

Он взял фужер с вином из моей руки и поставил его на стол со словами:

«Не пей это». А потом наши губы соприкоснулись.

«Вот что мне было нужно», — подумала я и снова отключилась.

Последовал очередной провал, во время которого я, словно сквозь сон, наслаждалась чувством, что мы никому не нужны и на нас никто не обращает внимания. А очнувшись, обнаружила, что мы лежим в обнимку в темноте и моя голова — на его плече. Дис что-то говорил шепотом. Прислушавшись, я разобрала:

— ...С той девушкой все в порядке, она просто стала тем, что из нее хотели сделать. Но почему-то с самого начала я был уверен, что ты никогда такой не станешь — ты будешь бороться, пока не умрешь или не сойдешь с ума. И вот это происходит... Знаю, ты меня сейчас не слышишь. Если бы слышала, разве бы я говорил тебе все это? Я не привык признаваться в чувствах — наоборот, девчонки сами всегда меня клеили.

Терзаясь в догадках о том, как мы здесь оказались, сколько времени прошло и что могло произойти за это время, я тихонько ощупала себя в темноте — платье все еще было на мне, но моя ладонь наткнулась на слишком выступающую из-за худобы тазобедренную кость под тканью.

«Неужели я так сильно похудела?» — снова подумала я.

— Жаль, что я не смог тебе помочь, — продолжал Дис. Его дыхание щекотало мой висок. Он считал, что разговаривает с овощем, и я решила послушать, что он мне поведает еще. — А ведь мне кое-что удалось выяснить за эти дни. Ты, например, знала, что корабль, на котором ты прилетела, подбили?

— Как подбили? — не утерпев, выдала я себя.

От неожиданности Дис подскочил, наверняка уставившись в мою сторону. Видеть этого я не могла, но почувствовала.

— Жека, ты меня слышишь? Ты понимаешь меня? — у дивленно спросил Дис.

— Еще бы! Кто и зачем подбил мой космолет?

Я напряженно смотрела в темноту, пытаюсь разобраться, где мы находимся — в моей комнате или в его.

— Это было покушение на генерала, у которого ты угнала корабль. Его хотели взорвать террористы. Но нарвались на тебя. А убивать не стали, потому что здесь идет торговля людьми — армии Союза планет Альфа нужны верные солдаты. На тебе решили заработать.

— Действительно! Меня несколько дней продержали в клетке, а потом приехал какой-то элегантный дядя, отсчитал им деньги и привез сюда, — припомнила я.

— А это был один из перекупщиков. Здесь он, скорее всего, получил за тебя вдвое больше, чем отдал террористам.

— Весело. Я-то думала, что работоторговля канула в Лету. Так что ты там придумал с побегом? — решила я перейти к делу. — И где мы, черт возьми, валяемся?

...Яркий свет ударил в глаза.

— Как тебя зовут? Назови свое имя! — требовательно звучал совсем рядом кажущийся знакомым голос.

Щурясь, я пыталась разглядеть, где нахожусь и того, кто меня спрашивает, но ослепляющая лампа светила прямо в лицо.

— Ты помнишь, как тебя зовут? — настойчиво повторял голос.

В голове вертелось два имени. Но постепенно одно вытеснило второе — как только вернулось воспоминание об украденном у меня медальоне.

А за ним в памяти всплыли пророчества бабушки...

— Меня зовут Евгения! — раздраженно ответила я, распахнув наконец глаза. И увидела над собой озабоченное лицо Диса, убравшего лампу в сторону. — Как будто ты не знаешь... А что, собственно, происходит? — Я вскочила, обнаружив, что лежу в комнате Диса на его койке.

— Не вставай! — предупредил он.

Но я и без его подсказки рухнула обратно на подушку — перед глазами поплыло, и комната быстро-быстро завертелась вокруг меня. Я зажмурилась, борясь с тошнотой.

— Я вколол тебе двойную дозу — все, что осталось, — о бьяснил Дис. — Головокружение пройдет через несколько минут, нужно немного подождать.

— Зачем? — пыталась я вникнуть в происходящее. Но меня вдруг осенило: это случилось! Случилось со мной!

— Господи! — вскричала я, снова порываясь встать. — Как?! Как это могло произойти?

— Так же, как и со всеми, — спокойно ответил Дис, удерживая меня в горизонтальном положении.

— Эти гады меня завербовали, переделали! Меня! Они перепрошили мой мозг, как компьютерную плату!

— Судя по всему, пока еще нет, — так же спокойно ответил Дис, снова укладывая меня обратно на койку. — Но у нас очень мало времени, — предупредил он тотчас же.

— О каком времени ты говоришь? Это уже произошло! Какая же я дура! — вспоминая все, чем занималась в последние дни, ужасалась я. Надо сказать, ощущение у меня было точь-в-точь как у проснувшегося с похмелья человека, накануне наломавшего дров. Я ведь неопределенно долгое время мыслила и действовала так, как все эти зомбированные ребята! И все-таки выполнила на отлично курсовую работу.

— Все это сейчас не важно. Слушай меня внимательно. Я видел сон...

— Тебе не кажется, что сейчас не самый подходящий момент рассказывать сны?

— Не перебивай! — оборвал он меня. — Со мной такое бывает, когда грядет что-то важное. Я вижу будущее, понимаешь?

— Ну и что ты там видел?

— Он синий?

— Что?

— Этот твой медальон — синий такой, да?

— Ну да... А откуда ты?... — удивилась я.

— Я видел, как все произойдет. Значит, все получится.

— Что ты делаешь? — спросила я, осторожно сев и спустив ноги на пол.

Комната по-прежнему плыла, но уже медленнее. Дис запихивал в сумку теплые вещи. Часы показывали глубокую ночь.

— Получится что? — сыпала я вопросами, окончательно приходя в себя.

— Одевайся. — Вместо ответа Дис швырнул мне куртку и болоньевые штаны. — Мы уходим. Прямо сейчас. А на улице холодно.

— Но куда мы пойдем?

— Не пойдем, а полетим. Есть тут один человек, контрабандист по имени Салли. Он занимается похищением и поставкой сюда молодых людей вроде нас с тобой, и у него есть свой небольшой космолет.

— И он любезно согласился нас вызволить?

— Не любезно, а за деньги. За очень большие, между прочим, бабки!

— А у тебя они есть?

— Нет. Но я пообещал, что принесу. Наплел ему о богатом папочке.

— Чем же мы расплатимся?

— Если понадобится, убьем его.

— Что?! — Я не верила своим ушам. — Ты серьезно? Я никого не стану убивать, ты слышишь? А тебе осталась всего пара месяцев до освобождения.

— Во-первых, это не освобождение — я фактически попаду в рабство к отцу. А он страшный человек, уж поверь. И мне вовсе не хочется плясать под его дудку, у меня совсем другие планы на свою жизнь. Во-вторых, я должен спасти тебя.

— Ты мне ничего не должен! — возразила я, и комната окончательно остановилась в моих глазах.

— Послушай, мы не погибнем, — взяв меня за плечи, заверил Дис. — Я видел это во сне.

— Но Дис, это просто сон!

— Это не просто сон. Я видел, как ты спасешься, улетев отсюда на корабле Салли. И я видел смерть Салли.

— А свою смерть ты случайно не видел?

— Нет, видел только, как упал в снег. А еще видел тебя в окружении незнакомых мне людей. И себя среди них тоже видел! Видел, что мы с тобой сидим на скамье в каком-то парке ночью и я отдаю тебе твой медальон. А это значит, я тоже не умру. Одевайся же! — с командовал он.

VIII

Я не стала спрашивать, как ему удалось отключить несколько видеокамер, чтобы мы незамеченными пробрались по коридорам, и где он раздобыл электронные ключи от дверей. Решила, что спрошу потом, когда все останется позади.

Мы вышли на лестницу для техперсонала и поднялись по ней на последний этаж. С самой верхней площадки к потолку вела металлическая лесенка с довольно большими промежутками между перекладинами.

Дис неслышно откинул крышку ведущего на крышу люка, осторожно высунул голову, а потом весь пролез в неширокое отверстие. Сверху меня окатило морозным воздухом. Спустя пару секунд я увидела на фоне ослепительно-черного, усыпанного звездами квадрата руку, жестом зовущую наверх. Ежась от холода, я полезла за Дисом и вскоре оказалась на крыше своей недавней тюрьмы. Я сделала несколько хрустких шагов по сияющему всеми звездами мира снегу. Ничего красивее этой морозной бездны я в своей жизни не видывала и от восхищения застыла на месте, задрав голову: в величественной черной глубине поблескивали бесконечные мерцающие точки. Капюшон слетел с моей головы, и мочки ушей стало покалывать от холода.

«Как, должно быть, огромен и прекрасен мир!» — размечталась я.

— Поторопись, — шепнул Дис и взял меня за руку.

Я послушно пошла за ним, примеряясь к скорости его шага и ощущая тепло его горячей руки. Запах свободы был так чудесен, что я все никак не могла поверить, что это не сон, и осознать, что эти решающие минуты определяют мою судьбу — жить мне или умереть.

Снег скрипел под нашими башмаками. Все вокруг блестело и переливалось. А огромная круглая луна насмешливо смотрела на нас сверху высокомерным взглядом. У нее словно было лицо: глаза, очертания носа и широкая клоунская улыбка до ушей. Говорят, у земной луны тоже было «лицо», только оно не улыбалось, а напротив, было тревожным. Бабушка Анна метафорично выразилась в своем дневнике, что спутник Земли «беззвучно кричал», словно пытаясь предупредить о надвигающейся на планету катастрофе. Только никто не услышал ту кричащую луну. А эта, что смотрела на нас с Дисом, будто насмехалась над тщетностью усилий убежать от судьбы. Ну и наглость! Мало того, что светит всю и мы как на ладони, так еще и смеется! Я показала луне язык и обогнала Диса.

Я быстро замерзла, но старалась дышать и шагать как можно тише. Если только можно было назвать тихими эти скрипучие шаги. Впереди крыша заканчивалась. Справа от здания, километрах в трех, я разглядела за реденькой лесополосой расчищенную, слабо освещенную взлетную площадку и корабль, похожий на самолет, поставленный на хвост. Доверия мне эта конструкция не внушала, но ни на что другое рассчитывать, по-видимому, не приходилось.

Мы спустились на задний двор по скользкой пожарной лестнице, обрывавшейся на уровне второго этажа. Свесившись с последней ступеньки, Дис осторожно прыгнул в снег, а потом поймал меня. Мне очень хотелось вскрикнуть во время падения, но я не издала ни звука, приземлившись в крепкие руки Диса. И в тот момент пообещала себе, что больше не стану бояться доверять его рукам. Никогда.

Мы прошмыгнули меж смердящими тюками и баками с мусором, словно мыши, и прижались к кирпичной стене. В одном месте ограждение, как и предупреждал Диса контрабандист Салли, было обрушено — мы без особого труда вылезли сквозь кривой пролом на волю. Но там, в самом, казалось бы, конце пути, нас ждала нелепейшая неудача. Дис зацепил ботинком торчащую из-под снега железку, и та, громко загремев, насторожила оказавшегося здесь в столь поздний (или, скорее, в столь ранний) час мусорщика. Небрежность Диса стала для него роковой: мусорщик, идя на шум, прыгнул вслед за нами в разлом стены и вскинул двустволку.

— А ну стоять! — каркнул он, когда мы уже пустились наутек и со всех ног мчались к взлетной площадке.

Страж помойки спустил курок. Из двух стволов бухнул выстрел в спину Диса.

Он упал лицом в снег. А я, по инерции пробежав еще шагов пятнадцать, остановилась и обернулась. Видит Бог, в тот момент я собиралась вернуться и голыми руками задушить мусорщика. И я бы сделала это. Но тот, словно почувствовав мое намерение, с перепугу выронил двустволку и помчался прочь — к тревожной кнопке. В этот момент Дис поднял голову и крикнул мне:

— Оставь меня! Беги!

Вдали завыл сигнал тревоги. А я стояла истуканом, не решаясь бросить друга в беде. Он был еще жив, но снег вокруг него быстро окрашивался красным.

— Дис? — позвала я дрожащим голосом и сделала два шага назад.

— Мне ничего не будет — я блатной! — снова надсадно прокричал Дис. — Беги же! Беги, твою ма-а-ать!

Его хриплый, надрывный вопль, порвав мерцающие звездами небеса, придал мне скорости. До Салли оставалось метров триста. В те роковые секунды я думала о многих страшных вещах. Выживет ли Дис? Спасусь ли я? Добегу ли?..

«Замолчи и беги, Жека! — зазвучал в ушах голос Геты. — Ради себя, ради него, ради всех нас! Беги!»

Я ворвалась в спасительный лес, оказавшийся не таким уж густым, каким он виделся сверху, с крыши. Я мелькала, словно живая мишень, меж голых стволов, стараясь сделать траекторию как можно более извилистой. Пули свистели все ближе, и каждая секунда могла оказаться последней. Но в те мгновения я думала не о смерти, а о том, что Салли, не предполагавший, что за нами будет погоня, скорее всего, сделает вид, будто не приглашал меня, и сдаст в руки преследователей. Но я поклялась себе, что жертва Диса не окажется напрасной. А для этого надо было сделать видимость, будто Салли причастен к моему побегу — настолько, чтобы ему и самому пришлось бежать. Вместе со мной.

Я никогда не видела этого человека и, разумеется, не могла знать, как он выглядит. Но когда выскочила на поляну, сразу же поняла, кто есть кто. Салли сидел на пне перед костром, рассматривая какую-то замысловатую штуковину и смоля сигарету. Он был не один: рядом на раскладном стульчике расположился паренек в ватнике и ушанке и с планшетным компьютером на коленях. Тыча пальцем в сенсорный экран, он жевал хот-дог, который держал в свободной руке. Оба были удивлены моему появлению не меньше, чем раздававшимся вдали выстрелам.

— За мной погоня! Бежим! Скорей! — выпалила я и с разбегу влетела в космолет. Внутри было тесно, полно проводов и тумблеров. Будто в музей доисторических летательных аппаратов.

Салли вскочил и поначалу заметался, схватившись за оружие. Но затем решительным шагом направился ко мне и схватил за шиворот.

Роста он был невеликого, зато силы недюжинной, поэтому легко поднял меня над полом, вытянув поднятую руку. А его товарищ, похожий в своих очках на провинциального журналиста, стал исподтишка снимать видео происходящего на свой планшетник.

— Где этот соплик? Где мои деньги? — орал Салли.

— Его подстрелили, — заверещала я, дрыгая ногами. — Надо сейчас же отсюда убираться! Заводи машину! Деньги потом!

— Что-о?! — контрабандист потащил меня к выходу, явно собираясь вышвырнуть вон. — А ну выметайся из моего корабля! Макс, мы взлетаем! — скомандовал он. — Немедленно!

Будто в подкрепление его слов выстрелы зазвучали совсем рядом.

Бросив на поляне все пожитки, кроме планшетного компьютера, и не проронив ни слова, поделщик Салли метнулся к кораблю. А сам капитан корабля вознамерился дать мне пинка, но тут произошло неожиданное: брыкаясь, я умудрилась вывернуться из его хватки и нырнуть за металлическую перегородку. А его, стоящего в дверном проеме, изрешетило пулями. Все вышло в точности так, как напроорочил Дис...

Салли истекал кровью. А молчаливый Макс, вместо того чтобы попытаться помочь, отбросил его от двери в снег, невозмутимо задраил вход и стал копошиться у пульта управления.

В результате его попыток запустить ракетный двигатель нас так потрянуло, что я ударила обо что-то головой и чуть было не потеряла сознание. В глазах потемнело, но, сделав над собой усилие, я поднялась на ноги и добралась до кресла второго пилота. Макс не выразил недовольства по поводу моего соседства, и я пристегнулась. Небольшой опыт в обращении с космическими кораблями у меня уже был, но этот аппарат выглядел настолько примитивно, что становилось не по себе. Взглянув на Макса, я поняла, что он явно не вполне разбирается с управлением.

Похоже было, будто он вообще наугад щелкает тумблерами.

— Ты сможешь поднять в воздух эту мыльницу? — на всякий случай спросила я.

— Разберемся, — оптимистично ответил Макс.

Это было первое слово, которое я услышала от него.

А затем меня прижало к креслу с невероятной силой, и лишь через несколько минут на дисплее высветилось сообщение «Невесомость».

IX

— Погоди-ка! Так ты та самая девчонка, что угнала у генерала корабль? — удивился Макс, когда я рассказала ему свою историю.

Космолет Салли не отличался быстроходностью — до ближайшей безопасной обитаемой планеты было много дней пути. И мне наконец удалось попробовать сублимированную космическую еду. А поскольку недоедание последние несколько месяцев было для меня одним из главных неудобств, я не сдерживала своего аппетита.

— Ты про это слышал? — ответила я вопросом на вопрос, выбирая из ассортимента вкусов те, что еще не пробовала.

— Шутишь! Об этом все только и говорили пару месяцев назад. Ну ты даешь, мать! — продолжал он восхищаться моими подвигами, пока я, не стесняясь, опустошала шкафчик с провизией. — Как тебе удалось? Там

ведь наверняка было полно охраны.

— Не так уж чтобы и полно...

Что касается меня, то я только и говорила, что о Дисе. Я только и думала о нем — точнее, о том, что бросила его умирать. Я-то спаслась, а он остался лежать в снегу в луже собственной крови. Какие уж тут подвиги!

— Не суди себя слишком строго, — утешал меня мой новый товарищ, с которым судьба заточила меня в замкнутом пространстве нашего космического корабля на несколько недель.

— Ты бы все равно ничего не

смогла для него сделать.

— А если он не умер? Если рана не смертельная? — с наивной надеждой возражала я.

— Ну тогда ему наверняка оказали первую помощь, — предполагал Макс.

— Кто?! Те люди, что стреляли нам в спины?

— Ну, вообще-то, знаешь ли, лежащих обычно не бьют, — отвечал Макс.

В любой другой ситуации мне бы, наверное, захотелось спросить его, откуда в нем столько спокойствия и оптимизма. Но я слишком тяжело переживала потерю Диса, чтобы интересоваться чем-то еще.

— Даже если так, во Вселенной столько планет! Нам не найти друг друга, — горевала я. — Простит ли он меня когда-нибудь?

— Да за что?! За что ему тебя прощать? — не понимал мой случайный попутчик.

— Если бы не я, он был бы сейчас жив и здоров. Ему оставалась всего пара месяцев до выпуска. А я появилась и сломала ему жизнь. За что мне

это? — И я делала очередное усилие, чтобы не залиться слезами.

Дни того полета запомнились мне бесконечными попытками сдерживания слез — никогда раньше мне не было так тяжело с ними бороться. Так что даже Макс расчувствовался и все время пытался отвлечь меня от тягостных мыслей.

Я не знала, что он за человек, и старалась не думать, кем мог оказаться поделщик контрабандиста, промышлявшего перевозкой похищенных людей. Но вопреки этому обстоятельству в глубине души испытывала к нему необъяснимую симпатию. Я просто не могла представить, чтобы этот добряк, распространявший вокруг себя волны позитива, мог рыскать по Вселенной в поисках живого товара. Но в то же время меня поразило, как хладнокровно он выбросил за борт продырявленное тело Салли.

И, в конце концов, я все-таки задала мучивший меня вопрос:

— Макс, ты теперь обо мне знаешь практически все. А я о тебе — ничего. Скажи по секрету, что ты делал там, на Альфе-88? Ты к этому всему причастен, да?

Макс почесал затылок, будто подбирая слова.

— Понимаешь, есть вещи, которые трудно поддаются объяснению, — начал он издалека.

— Понимаю, жажда наживы, — вывела я.

— Не совсем так.

— Тогда что?

— Я пытался понять, что там происходит, чтобы потом продать эту информацию.

— Кому?

— Ну... это... не так уж важно, — уклончиво ответил Макс. — Я зарабатываю на жизнь разными способами. Но к торговле людьми не имею отношения, если ты об этом. Однако находился я на Альфе под видом контрабандиста. Иначе туда было просто не попасть.

Можно сказать, его ответ меня удовлетворил. И я решила задать следующий вопрос: куда мы, черт возьми, летим? Но как только Макс, обрадовавшись, что я оставила неудобную тему, начал объяснять мне проложенный им курс, нас затрясло.

— Что происходит? — спросила я, когда он стал метаться по салону космолета, вглядываясь в иллюминаторы и приборы навигации.

— Не может быть! — сетовал Макс. — Да быть этого не может!

— Да что случилось?

— Нас стыкуют! Точно... — сказал он. И еще раз добавил: — Да не может этого быть!

А затем нас затрясло еще сильнее.

Х

Огромный космический корабль, захвативший нас, заслонил собою полкосмоса. Мы вошли в его зев, точно в ангар зависшего в межзвездном пространстве космодрома, влекомые непреодолимой магнитной силой. Невесомости и след простыл — внутри гигантского космолета действовала система искусственной гравитации. Сила тяжести была вполне комфортной для человеческого организма, но расслабленные неделями невесомости мышцы первое время отказывались повиноваться.

...Я лежала на полу, отчаянно размышляя, в каком плену окажусь на этот раз. Но вдруг почувствовала, как распластавшийся рядом Макс,

приложив усилие, протянул ко мне руку и с облегчением произнес:

— Все в порядке. Это свои...

И, честное слово, если бы это оказалось не так, то было бы уже слишком! Но, как выяснилось, поглотившая нас космическая станция принадлежала Противодействию — альянсу межгалактических организаций, борющихся за мир во всем мире и против всевозможных захватчиков и террористов, которых во Вселенной всегда было пруд пруди. Как раз на этот альянс и работал Макс. Увидев его удостоверение и услышав пароль, появившиеся перед нами — а точнее, над нами, потому что мы не сразу смогли подняться на ноги — вооруженные люди в глянцевых белых костюмах опустили свои лазерные пушки и заметно подобрели.

Макс объяснил им ситуацию: вкратце рассказал обо всем, что выяснил о проводимых на Альфе-88 экспериментах и о торговле людьми. А потом заявил, что ему «удалось вызволить» одного человека с «фабрики универсальных солдат» — меня. Тем самым присвоил себе лавры моего спасения, по праву принадлежащие Дису. А мне тайком посоветовал разыграть амнезию и не называть настоящего имени, чтобы ненароком не отправили домой, на Благословенную. Я решила назваться именем, которым меня нарекли в Высшей школе, полагая, что это мне никак не повредит.

— Девочке успели хорошо промыть мозги, — объяснил Макс. — Но ей долго удавалось сопротивляться, и она осталась собой, несмотря на провалы в памяти. Возможно, со временем воспоминания к ней еще вернутся, и она даст нам полезную информацию, — намекнул он.

— Элизабет, — обратился ко мне то ли начальник станции, то ли главком ячейки Противодействия — впрочем, одно другого не исключало. — Вы прошли через многие испытания, и ваши приобретенные в неволе навыки могут оказаться нам полезными. Но, поскольку мы придерживаемся принципа свободы выбора, я могу только предложить вам работать на нас.

Заметив, что я собираюсь возразить, он упредил мой отказ:

— Вы вправе не отвечать сию минуту — мы дадим вам время отдохнуть и подумать.

После того, как с «приветствиями» было покончено, Макса пригласили к шефу для более подробного рассказа об Альфе-88 и получения расчета за проделанную работу. А мне выделили отдельную небольшую, но вполне комфортабельную каюту и, как было обещано, дали время на отдых и раздумье. Но вместо того чтобы поразмышлять над не таким уж и плохим предложением, я на несколько дней погрузилась в глубокую депрессию и даже не пыталась заставить себя встать с койки.

Память возвращала меня в ту страшную ночь, в то самое мгновение, когда грянул выстрел. Совесть грызла меня, точно голодная крыса. Снова и снова мысленно проделывая это путешествие во времени, я представляла себе: вместо того чтобы бежать, я бросаюсь к Дису, раненому, умирающему. И, целуя его холодеющие губы, умираю рядом с ним... Да лучше бы я погибла там, чем до конца своих дней нести невыносимый груз вины!

Подобное самоугнетение продолжалось мучительно долго, пока я вдруг не осознала, что это вовсе не только, да и не столько угрызения совести. Пока до меня внезапно не дошло, что

я просто... Просто люблю Диса. Эта мысль отрезвила меня. А горечь утраты сменилась тупым удивлением неведомому доселе чувству: как такое могло случиться со мной?

«Брось, Жека! Ты что, действительно думала, что никогда не влюбишься?» — ответил на это мой внутренний голос. Тот самый, которым я давала себе пощечину всякий раз, когда проявляла слабость, наивность или глупость.

Я сидела на краю своей койки и долго думала о том, что со мной произошло. Судьбе мало было провести меня через череду испытаний и лишений, думала я, так она еще позволила мне полюбить человека, отобрав его раньше, чем я осознала, что это любовь! Первая, между прочим, любовь — то самое прекрасное чувство, которое люди помнят и лелеют всю жизнь! Это, казалось, было последним ударом, который должен был меня добить. Но, как обыкновенно случалось со мною в минуты, когда кажется, что больше нечего терять, вместо того чтобы впасть в уныние, я впала в гнев.

— Ну уж нет! Больше я не позволю своей судьбе так обходиться со мной. Впредь будет так, как я решу. Клянусь, я верну все, что у меня

отняли! — сжав кулаки, прошептала я.

Пересев за откидной металлический столик, оторвала листочек для записей и набросала несколько пунктов:

Найти Диса живым или мертвым.

Уничтожить проект "Универсальный солдат".

Исполнить просьбу Кешиа — найти его внучку.

Отыскать родителей, чтобы взглянуть им в глаза.

Вернуть медальон.

...На последнем пункте меня заклинило, и я опять машинально протянула руку к пустоте — медальона на шее, разумеется, не было. Но кожу под моей ладонью вдруг стало жечь, будто к ней приложили что-то горячее. Как раз в этот момент постучал в дверь пришедший навестить меня Макс.

— Так и будешь здесь сидеть? — поинтересовался он.

— Тебе хорошо заплатили за мое «спасение»? — в место ответа спросила я, не оборачиваясь.

Макс хмыкнул и плюхнулся на мою койку.

— Но ведь тебе эта ложь никак не повредила, не так ли? — заметил он, вытягиваясь на моей постели и закидывая руки за голову. — Кроме того, в этом есть доля правды — без меня ты бы не управилась с космолетом.

Я молча сидела на стуле спиной к нему.

— Хороша благодарность, — продолжал Макс, вставая. — Вообще-то, знаешь ли, с этими людьми тоже надо держать ухо востро. Никогда не стоит говорить никому всей правды. Это война, Жека. А на войне все средства хороши.

— В том числе средства зарабатывания денег.

— Я работаю на Противодействие уже давно. На мой взгляд, это неплохие ребята. Они хотя бы миротворцы, а не захватчики. Кстати, что ты надумала по поводу предложенной тебе работы?

— Скажи, а у тебя есть дом, Макс? Семья? — спросила я, повернувшись к нему вместе со стулом, отчего металлические ножки противно лязгнули о металлический пол. — Зачем тебе деньги? Ради чего ты рискуешь жизнью, работая шпионом?

Макс нахмурился, поджав губы, окинул взглядом мою каюту, точно на стенах или потолке искал нужные слова.

— Таким, как я, дом не нужен, — сказал он наконец. — В другой, лишенной риска и драйва жизни, меня нет и быть не может. А деньги, знаешь ли, никогда не бывают лишними. Но вообще-то я пришел сказать, что шеф попросил поторопить тебя с решением.

Если б я тогда была немножко поумней, то согласилась бы на предложенную работу. Вступив в ряды Противодействия, я быстрее смогла бы разузнать, что случилось с Дисом, и совсем уж легче легкого было бы

отыскать внучку Кешиа. Но я хотела все сделать сама и никому ничем не быть обязанной.

Поэтому, встретившись с командиром космической станции, я попросила переправить меня на Московию. Соврала, будто вспомнила, что оттуда родом. Я не желала участвовать в чужой и непонятной войне. Поблагодарив Макса за все, что он для меня сделал, а главкома и экипаж — за гостеприимство, решила идти своей дорогой.

Уважая мое решение, Противодействие погрузило меня в космическую капсулу и отправило на Московию. А на прощание командир вручил мне пластиковую карту с электронными координатами.

— Если передумаете, Элизабет, вы всегда знаете, где нас найти, — сказал он.

XI

Мне предстояло многодневное путешествие в полном одиночестве сквозь необозримое космическое пространство, и нельзя сказать, чтобы это не давило на психику. Покидая станцию, я была уверена, что хочу побыть одна. Но погрузившись в замкнутое пространство капсулы, почувствовала что-то вроде приступа клаустрофобии. Да и мало ли что могло случиться на пути сквозь миллионы световых лет?

Я смотрела фильмы, слушала музыку и читала книги о животном и растительном мире разных планет, пытаясь отвлечься от тяжелых мыслей. Так прошло дней десять. А потом, как раз когда я принялась изучать скачанную еще на космической станции из Всемирной информационной паутины карту Московии, в глаза вдруг ударила яркая вспышка. Сначала я не на шутку испугалась, подумав, что ко мне явились ангелы, — столь ярок был свет. Решила, что схожу с ума. Однако, когда вспышка повторилась, все стало намного ясней — свет этот бил не снаружи, а словно изнутри черепной коробки. А затем в моей раскалывающейся голове всплесками стали проноситься воспоминания о полученных мною на Альфе-88 знаниях. Это была информация, возвращавшаяся из глубин моего мозга, та, что в меня вложили, пытаясь превратить в универсального солдата. Которую я, не переварив сразу, отправила на «жесткий диск» долговременной памяти. Но ее было слишком много!

Я схватилась за голову. Перед глазами мелькали образы, люди, ситуации, предметы... Лица, названия, прикосновения... Память возвращалась, рискуя меня убить! Вывалившись из кресла, я каталась по полу тесной капсулы, в которой поддерживалась сила тяжести. Честное слово, никогда раньше я не испытывала такой сильной боли, как в те минуты. Пытка все не кончалась, и я уже решила, что умираю, когда меня наконец стало отпускать.

Я потеряла сознание и очнулась лишь спустя несколько часов. Потирая пульсирующие виски, с трудом забралась обратно в свое кресло — единственный предмет обстановки космической капсулы.

«Все? Или будет снова?» — стучал в голове страх перед физической болью. И этот страх был настолько силен, что у меня едва не помутился рассудок — еще одного такого шквала знаний я могла и не выдержать. «Красна птица перьем, а человек ученьем» — вдруг всплыла в памяти пословица предков, будто кто-то произнес ее у меня над ухом. А потом еще: «Знание — сила» и «Ученье — свет». Последнее, как оказалось, было ближе всего к истине даже без иносказания.

Наконец я вновь обрела себя и собралась с мыслями. Воспоминания продолжали возвращаться, но уже не так болезненно — память восстанавливалась постепенно, а события выстраивались в логическую последовательность. Я обнаружила в голове огромное количество полезных знаний. Оказалось, теперь я могла свободно разговаривать на нескольких распространенных во Вселенной языках, плавать всеми известными способами, обращаться с разными видами оружия и так далее. В общем, как любили повторять мои предки, «не бывает худа без добра».

Я перестала бояться информации и копалась в своих воспоминаниях, пока головная боль не напомнила о себе. Тогда, установив кресло в положение полулежа, я опрокинулась на спину, закрыла глаза и погрузилась в приятную дрему.

XII

— Сегодня утром просочилась информация, что на преодолеваемом твоей капсулой отрезке пути небезопасно, — предупредил Макс, вызвав меня на связь. — Будь осторожна. Кольцо планет Чингисхана издавна охотится в той части Вселенной, где расположены наименее развитые планеты.

— Что значит «охотится»? На кого? — уточнила я. — По древней традиции они похищают девочек и женщин ради улучшения демографической ситуации. Сейчас у них с этим особенно туго — всего пару лет назад закончилась кровопролитная война со Святым Орденом. Много народу полегло.

— Что еще за Святой Орден? И кто такой Чингисхан? — засыпала я его вопросами. — Разве в наше время религиозные споры по-прежнему решаются кровопролитием.

— А то! Время от времени цивилизованный мир погружается в пучину войны силами поборников обскурантизма. Сейчас я скину тебе всю информацию, которая у меня есть. Посмотришь на досуге.

Я сразу же (было — сразу же я бросилась) бросилась изучать историю религиозных войн Святого Ордена и Кольца планет Чингисхана. Оказалось, религии, исповедуемые оппонентами, были очень древними — они существовали еще на Земле. Периодически представители этих религий воевали. Правда, как ни вникала я в тонкости обеих, так и не сумела найти существенных отличий, которые, по логике, могли бы привести к вооруженным столкновениям. Начать с того, что представители как одной, так и другой веровали в единого Бога. А различия в традициях ношения одежды и способах молитвы вряд ли могли стать достойным поводом к войне. Так считала я. И в конце концов списала все на политику: как ни крути, на протяжении всей истории человечества сильные мира сего даже имя Всевышнего ухитрялись использовать в политических целях, натравливая друг на друга целые народы.

А заодно, углубившись в изучение религий и верований всех времен и народов, о которых сохранились сведения, я узнала о существовавших системах летоисчисления. И фраза «от Рождества Христова», в традиционном летоисчислении добавляемая при указании года, наконец перестала представлять для меня непостижимую тайну.

Что касается Чингисхана, то он был одним из древних земных полководцев — это я помнила еще из бабушкиного дневника. Он, а также его предшественники и потомки, предводители степного кочевого народа, веками облагали данью страну моих предков, но потом все-таки были побеждены. Это время вошло в историю под названием «татаро-монгольское иго». Однако вряд ли тот самый Чингисхан мог дожить до наших дней, если только не обладал бессмертием, что маловероятно. А по информации Макса выходило, что это, скорее всего, царский титул правителя Кольца планет. Из чего я сделала вывод, что имя древнего полководца за минувшие тысячелетия стало нарицательным.

Однако, прорезая межзвездное пространство со скоростью, которая даже не снилась монгольским наездникам, наверняка считавшим, что звезды — это прилипшие к небосводу светлячки, я даже не догадывалась, насколько тесно мне предстоит соприкоснуться с историей. Со всей этой историей.

Но, как говаривали мои предки, «гром не грянет — мужик не перекрестится». Хотя я и не вполне понимала, почему пугаться грома в пословице полагалось лишь мужчинам. Когда грянул гром, который услышала я, было поздно осенять себя крестным знаменiem. Мою капсулу космические разбойники проглотили так же беспрепятственно, как Противодействие — небольшой космолет Салли, на котором путешествовали мы с Максом. И «угнали девку в полон».

XIII

«Они похищают женщин, насильно выдают их замуж и заставляют рожать детей», — ужасные слова Макса звучали в голове, когда меня гнали с толпою таких же несчастных, как я, по бетонному полю космопорта под палящим солнцем. Несмотря на нестерпимую жару, все мы были одеты одинаково — в длинные черные балахоны и головные уборы с подобием вуали, прикрывающей лицо. По пути я пыталась заговорить с идущими рядом женщинами, но они лишь испуганно озирались и шарахались от меня. Я предположила, что все эти бедняжки, быть может, родом с таких неразвитых одичавших планет, что и говорить не умеют. Или же потеряли рассудок от страха и жестокого обращения. Глядя на суровые физиономии наших «погонщиков», можно было предположить какие угодно издевательства, ожидающие нас. По крайней мере, во время полета и посадки обращались они с нами довольно грубо.

«Это древняя традиция... Каждый уважающий себя муж держит гарем...» — вспоминала я. Бредя в толпе таких же безликих жалких существ, как и сама, я в отчаянии корила себя за то, что отклонила предложение Противодействия, не дав себя завербовать. И вот опять плен! Да неужели во всей Вселенной не найти места, чтобы хоть на какое-то время почувствовать себя свободным человеком?!

Нами, точно скотиной, набили битком два больших автобуса и куда-то повезли. Некоторые женщины плакали тихо, другие — громче, навзрыд. Стоящая рядом со мной беременная девушка с безумно бегающими глазами, еще совсем ребенок, сорвав с себя головной убор, молча грызла грязные кривые ногти.

«В каком-то смысле они делают благое дело, — снова и снова воспроизводила я в памяти слова Макса. — На некоторых планетах жизнь людей мало чем отличается от животного существования. А эти ребята отмыывают аборигенок и делают из них красавиц и умниц. Но если в их лапы попадет цивилизованная женщина, они и ею не побрезгуют. Говорят, многие принимают новую жизнь и веру, растят детей и живут в гаремах до глубокой старости. Попадаются и строптивые, но их участь печальна. Еще ни одна пленница не вырвалась из Кольца планет Чингисхана живой».

Как только автобусы выехали с территории космодрома, по левую и правую сторону от дороги открылись нашим печальным взорам вовсе не такие уж и печальные пейзажи — бескрайние ухоженные, цветущие сады, орошаемые ручьями и фонтанами. Все это было похоже скорее на рай, нежели на каторгу. Знай себе рожай. Пожалуй, любая одинокая женщина откликнулась бы на предложение темучинца (имя Темучин было, по-видимому, вторым именем Чингисхана и, как я позже узнала, в переводе означало «повелитель всех земель, омываемых океаном» — надо полагать, небесным), разместить он объявление на бирже знакомств. Кабы не одна загвоздка — здесь официально было разрешено многоженство. А у женщин не было никаких человеческих прав: их разрешалось продавать, покупать, дарить...

...Что может быть томительнее неизвестности, отягощенной чувством вины? Даже в таких невыразимо кошмарных обстоятельствах я продолжала думать о Дисе. И — удивительно! — от этих мыслей мне становилось немного легче: они были связующей нитью с тем миром, с которым у меня оборвалась связь. Молиться меня не учили ни по каким канонам, но однажды я подсознательно пришла к выводу, что Бог должен быть чем-то вроде абсолютной любви. И я решила обратиться к Нему через мое чувство к Дису, как бы несуразно это ни звучало.

«Прошу Тебя, если Ты меня слышишь, — молилась я, трясаясь в заполненном пленницами автобусе. — Если Дис жив, пусть он увидит один из своих вещих снов и заберет меня отсюда. Или же позволь мне найти способ самостоятельно выбраться и отыскать его могилу».

Я не стану утверждать, что чудес не бывает, и уж тем более, что Бога нет. Но в тот раз все получилось далеко не так, как мне хотелось бы.

XIV

Дверь незаметно приоткрылась и в комнату, увешанную и устланную коврами, вошел... Нет, не евнух, которого я часто видела в отведенных мне покоях. Старший страж темучинского гарема, оскопленный еще в детстве для службы при женской половине дворца, приносил мне сладости, фрукты и великолепные наряды, а взамен требовал повиновения — есть то, что он приносил, и надевать то, что он велел надеть. Потому что в любой момент мог заявиться сам Чингисхан, повелитель пяти планет Кольца и властелин тысячи и одной (впрочем, это могло быть преувеличением ради красного словца) невольницы-жены, чтобы оценить свое новое приобретение.

Нельзя было поспорить с тем, что все обитательницы гарема были красавицами. Честно говоря, я, никогда себя даже привлекательной не считавшая, да и вообще редко глядевшаяся до тех пор в зеркало, совершенно не понимала, каким образом затесалась среди этих куколок. Но, коротая бесконечно тянущиеся дни нестерпимого заточения во дворце, и я получила возможность заняться своей внешностью. А больше там заниматься было нечем! И обнаружила, что тоже могу быть очень даже ничего. Особенно если надеть платье и нанести на лицо немного косметики. Правда, в таком обличье я совершенно себя не узнавала и, разглядывая свое отражение, каждый раз повторяла: «Это не я. Это разукрашенное существо не может быть мной!»

Вместе со мною Чингисхан приобрел — разумеется, не сам, а через своих доверенных, посещающих невольничьи рынки, — еще нескольких женщин. Но, подозреваю, никто из последней партии не отличался высоким интеллектом. Одна бедняжка ночи напролет кричала что-то о своей семье и доме и наотрез отказывалась принимать пищу. Ее вопли были слышны на весь гарем. А остальные вообще не разговаривали ни на одном из языков Кольца, забивались в углы при появлении зрителя, а на еду набрасывались лишь после того, как он скрывался за дверью. В таком виде являть их повелителю было, разумеется, нельзя — каждая дикарка требовала серьезной доработки. Что же касается меня, то, по мнению евнуха, я была практически готова.

Одним из главных моих страхов в те дни стала вероятность располнеть при таком малоподвижном образе жизни. А поскольку, как я заметила, хоромы мои не были оборудованы системой видеонаблюдения, я посвящала пару часов в день физическим упражнениям — делала зарядку, отжималась и качала пресс. Это должно было помочь мне хоть как-то поддерживать форму. Как раз во время одной такой тренировки дверь неслышно приоткрылась и ко мне вошел... сам Чингисхан.

Он редко обходил владения, доверяя поддержание порядка евнухам. До сих пор я знала о нем лишь понаслышке. А послушать все, что говорили, — так он был настоящим тираном! Мог за одно неверное слово подвергнуть женщину (впрочем, как и мужчину) невообразимым пыткам и казням. И с моей стороны, наверное, было проявлением величайшего неуважения отжиматься от пола в присутствии столь великого мужа. Да я его, честно говоря, и не сразу заметила, потев над вторым десятком упражнений. А когда поняла свою оплошность и по приобретенной на Альфе привычке по-солдатски вытянулась по стойке смирно, раскрасневшаяся и простоволосая, то увидела вовсе никакого не монстра, а обыкновенного мужчину с черной бородкой и раскосыми глазами почти неестественного зеленого цвета. Если не считать того, что одежда повелителя была расшита золотыми нитями, ничего особенного в его внешности не было. Кроме величественного взгляда и осанки — как и подобало правителю пяти планет Кольца. Судя по тому, с каким почтением произносили его имя, я полагала, что ему, должно быть, не меньше шестидесяти. Но тому человеку, что пожаловал в мою опочивальню, с большой натяжкой можно было дать лет тридцать восемь. Хотя мне даже в голову не пришло бы спрашивать его о возрасте.

Чингисхан, которого на самом деле звали Ахмедом, был смугл, высокоросл, строг. И вот он уже стоял передо мной. А я, вспотевшая и растрепанная, со сбившимся набок декольте кружевной сорочки, несколько секунд растерянно смотрела на него в упор, пытаюсь отдуваться тише. Не зная, что дальше делать — упасть в ноги и молить о пощаде или не унижаться, потому как пощады мне все равно не видать, — сдула упавшую на глаза челку и осторожно улыбнулась. «Выбрать из двух зол», как говорили мои предки, так и не удалось: я обнаружила, что от волнения остолбенела и не могу пошевелиться. Продолжая смотреть Чингисхану прямо в глаза, я вдруг заметила, что уголки его губ тоже слегка приподнялись. Тогда, в свою очередь, я стала выглядеть неприлично строго при «его величестве», ничего не понимая: ведь поговаривали, что еще никто и никогда не видел улыбки Чингисхана. Впрочем, возможно, и это тоже было преувеличением.

Он сделал несколько шагов в мою сторону.

— Что тебя так напугало, дитя мое? Я не кусаюсь. Пожалуйста, улыбнись еще раз! — попросил он властным и одновременно ласковым голосом. — У тебя такая очаровательная улыбка. Ну же! — И с этими словами взял меня за подбородок, словно чтобы лучше разглядеть мое лицо.

Я слабо улыбнулась, сделав над собой усилие и скромно потупив глаза, но тут же снова вскинула на него взгляд. А Чи (так я для краткости стала про себя называть его) обошел вокруг меня, словно оценивая, и задал следующий вопрос:

— Как тебя зовут?

— Евгения, — ответила я.

— Откуда ты родом?

— Я... ничего не помню о своем прошлом, — соврала я. Да и вряд ли Великого Чи интересовало мое происхождение, что и подтвердили его последующие слова:

— Теперь это не важно — твой дом здесь, — сказал он. — Тебе бы подошло имя Роксана. Тебе нравится это имя?

Я утвердительно, но неуверенно кивнула, вдумываясь в то, что он говорит. Я же не собачонка какая-нибудь, чтобы подбирать мне кличку.

«А какая разница? — посоветовал мой внутренний голос. — Ведь ты все равно его пленница. Пусть хоть Тузиком зовет». Но вдруг вспомнила напутствие старшего евнуха, что Чингисхану нужно отвечать не иначе как «да, мой господин!» или «слушаюсь, мой господин!».

— Да, мой повелитель, — снова потупив взор, покорно произнесла я. Так тоже годилось.

Ну а дальше произошло то, что должно было произойти. Чингисхан обнял меня, и я поняла, что первым мужчиной в моей жизни будет не Дис.

XV

У Ахмеда были сотни женщин, каждую ночь он мог позволить себе новую. Но почему-то я задержалась у него на целых пять ночей. По вечерам тет-а-тет он угощал меня ужином с потрясающим, головокружительно вкусным вином, за которым рассказывал много не относящегося к государственной тайне, о своей «лишенной радостей» жизни правителя пяти планет Кольца. А я, напиваясь и наедаясь, старалась забыть обо всем и насладиться неожиданно подаренным мне жизнью праздником. Чи пленил меня своей страстью и заботой, и, уставшая от потрясений и переживаний, к тому же совсем не привыкшая к вину и наркотическим курениям, которыми он меня потчевал, обучая искусству любви, я отдалась ему целиком и полностью — и душой, и телом. А на утро шестого дня, проснувшись в одиночестве на шелковых простынях, увидев лепнину расписного потолка, позолоченные зеркала и прочую драгоценную утварь, возненавидела себя и весь мир. И уж, поверьте, вовсе не потому, что «моего повелителя» не было рядом.

Меня тошнило от всех этих развратных нарядов, что приходилось надевать каждый день. Я с отвращением вспоминала танец живота, который вчера исполняла для Ахмеда, уверенная под действием алкоголя, что это в порядке вещей. У меня появилось желание напиться и снова забыться. Увидев не до конца опустошенный графин с вином на столике для фруктов, я встала с постели и направилась туда. Но что-то остановило меня на полпути. То ли соскользнувший на ковер шелковый пеньюар, оставивший меня посередине комнаты в чем мать родила, то ли здравый смысл. Я выплеснула вино на красно-фиолетовый ковер, по цвету схожий с напитком: повеселились вчера — и хватит. Тем более что мне разрешалось злоупотреблять спиртным лишь с позволения господина моего — по-видимому, хмельная и веселая я нравилась ему больше. А в целом женское пьянство в Кольце планет не приветствовалось. Проявление невоздержания без особого дозволения мужей грозило представительницам слабого пола строгими наказаниями, вплоть до смертной казни. Одним словом, напиваться утром было бы чистейшим безумием.

Не меньшим безумием было бы ревновать Чи к другим женам. Да, прошел целый день, а о нем не было ни слуху, ни духу. Даже главный смотритель зашел всего один раз, проверив, все ли у меня в порядке и расчесав мои длинные волосы, по-видимому, представляющие большую ценность. Но, честно говоря, мне было совершенно наплевать, где и с кем «мой господин».

Может, это и глупо, но я чувствовала себя виноватой перед Дисом. Конечно, его могло уже и не быть в живых. Но мне казалось, что я предала его дважды: сначала — бросив умирать, а теперь — изменяя ему с другим мужчиной. Пусть и не по доброй воле.

«Но ведь ты и не больно-то сопротивлялась», — болезненно уколола меня совесть.

«А разве не бесполезно было бы закатывать истерики и сопротивляться воле Великого Чи? — оправдывалась я, с ужасом вспоминая, что вытворяла накануне ночью. — Ахмед взял бы меня силой».

«Вот как? Ахмед? Ты уже и в мыслях ласково называешь его по имени?..»

Я схватилась за голову: «Боже, мне сейчас нужно думать о более серьезных вещах! — мысленно возопила я. — Разве я могу смириться с тем, что стану одной из многих жен, рожających ему наследников!»

«А ты хотела бы стать единственной?»

Этот внутренний диалог окончательно сбил меня с толку — не хватало еще, чтобы я начала разговаривать сама с собой.

«Ну уж нет! — сказала я себе. — Один раз недругам не удалось свести меня с ума и на этот раз не удастся».

Списав все на похмелье, я решила поберечь свой разум и пока не думать о Дисе. Ведь не было ни единого дня, чтобы я о нем не вспоминала. Каждое утро я просыпалась с мыслью о нем. И отчасти невоздержание, которому я предавалась пять последних ночей, было попыткой заглушить боль. Придумав себе такое оправдание, я немного успокоилась и стала размышлять, как избежать уготованной мне участи многодетной наложницы.

«Быть может, он наигрался со мной и теперь на время оставит в покое?» — надеялась я.

Но каково же было мое изумление, когда ближе к вечеру за мной прислали с известием, что Ахмед желает моего присутствия во время аудиенции, которую дает инопланетному послу. Это была неслыханная честь для жены Чингисхана, и удостоивалась ее далеко не каждая.

— Господин благоволит тебе, так постарайся не ударить в грязь лицом, — напутствовал меня евнух. — Но помни: высокие взлеты чреваты смертельными падениями.

И так многозначительно посмотрел на меня, жестом изобразив, будто отхлебывает из ложки, что я догадалась о грозящей мне опасности: не столько впасть в опалу, сколько быть отравленной ревнивыми женами.

Но отказать Великому Чи было бы неслыханной дерзостью. Я быстро облачилась в полу-прозрачное — опять же по совету смотрителя гарема — платье, место которому по-хорошему было на витрине магазина интимных товаров. Но даже в этом броском одеянии почувствовала себя мышью рядом с повелителем — я не узнала его на троне, до того он был бесстрастен и величествен. Даже не улыбнулся шутке представителя соседней державы. Быть может, потому, что посол дерзнул кинуть на меня восхищенный взор?

«Да ты никак запал на меня?» — удивилась я, узнав, что Ахмед и следующую ночь желает провести со мною.

В ту ночь я не стала ни пить, ни курить, заявив повелителю, что желаю поскорее зачать от него здорового наследника. Конечно же, я соврала.

XVI

«Насильно мил не будешь», — повторяла я, как молитву, вычитанную в дневнике прабабушки пословицу, не желая верить, что застряла в Кольце планет навсегда. Но в противовес неизменно вспоминалась другая, прочитанная там же: «Стерпится — слюбится». Это сводило меня с ума. Нужно было срочно что-то делать — хотя бы попытаться вырваться на свободу.

Чи был ревнив. За каждым моим шагом следили. Но спустя пару месяцев «супружеской жизни» я твердо решила, что медлить нельзя.

Много дней я доказывала Чи свою любовь и преданность, усыпляя его бдительность, и он даже не догадывался, как ненавистна мне роль рабыни. Уверена, в те дни Ахмед не посещал ни одной другой спальни, кроме моей, потому что все свободное от государственных дел время мы проводили вместе. Старший евнух, с самого начала проявлявший ко мне симпатию, еще не раз недвусмысленно намекал мне на общее недовольство относительно моего влияния на «господина» и внимания, которое тот мне уделяет. А однажды, войдя ко мне, как раз когда я собиралась позавтракать, страж гарема открыто заявил, что поданные мне фрукты отравлены. Это стало последней каплей.

«Пусть это будет стоить мне жизни, но здесь я не останусь!» — решила я. «Все получится», — сказал бы Макс, обдумывая детали намеченного мною опасного плана. Наверняка он не растерял бы своего оптимизма,

окажись в моем положении. Впрочем — и это факт! — в моем положении Макс вряд ли мог оказаться. А потому у меня тем более не было причин отказываться от задуманного. Я решила пойти испытанным путем — угнать космолет. Ведь восстановившаяся после «перезагрузки» память явила мне полученные на Альфе-88 навыки управления некоторыми типами космических кораблей. Правда, участвовавшие в последнее время перепады настроения мешали мне по-настоящему поверить в успех затеи.

Напротив, было ощущение, будто я иду на верную смерть.

Дворец Великого Чи стоял на побережье, обрамленный с одной стороны великолепным садом, а с другой — восхитительным песчаным пляжем с золотым песком.

— Я не умею плавать. Научи меня, мой господин, — соврала я, когда мы возлежали у кромки воды в окружении внимательных слуг с опахалами и вволю поглощали подносимые нам прохладительные напитки.

Ахмед души во мне не чаял, он смотрел на меня такими нежными глазами, что при других обстоятельствах я и сама бы в него влюбилась. Конечно же, он не сумел мне отказать. А я с особым садистским удовольствием предвкушала, как доставлю ему боль, — не одной же мне в конце концов страдать и каяться!

«Любовь зла», — потирала я руки.

— Чи, давай наперегонки! — предложила я спустя пару дней тренировок, решительно поднявшись с лежака.

— Ты уверена, любовь моя? — лениво стягивая с глаз темные очки, спросил Ахмед.

— Вон до той скалы, — указала я вдаль и потянула его за руку.

— Это очень далеко. Что если ты утонешь, радость моя? Как же я буду жить без тебя? — шутя спросил Чи, шлепая за мной по воде. Но в его голосе я услышала искренние нотки, которые меня тронули. Однако я быстро осатила свою эмпатию: сам он небось не больно-то переживал, ломая чужие жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.